

18+

АЛЕКСЕЙ КИРСАНОВ
СИМУЛЯЦИЯ

Алексей Кирсанов

Симуляция

«Издательские решения»

Кирсанов А.

Симуляция / А. Кирсанов — «Издательские решения»,

Ближайшее будущее. На фоне прошлых кризисов экономики страна наслаждается «Эрой Стабильности» под руководством харизматичного сенатора Дины Трумер, чья партия безраздельно правит. Но эта стабильность оказывается тщательно сконструированной иллюзией. А сенатора просто не существует.

© Кирсанов А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Симуляция

Алексей Кирсанов

© Алексей Кирсанов, 2026

ISBN 978-5-0070-8314-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Синтетические голограммы мерцали на фасадах небоскрёбов, заливая мегаполис холодным, искусственным светом. Город, когда-то изъеденный хаосом Экономического Обвала и Пыльных Бурь, дышал теперь ровно и глубоко, как после долгой болезни. Над улицами висели гигантские экраны, и на каждом — она. Дина Трумер. Её улыбка казалась тёплой, уверенной, словно первое солнце после стужи. Голос, льющийся из динамиков, звучал бархатистым обещанием покоя.

— Стабильность — это труд каждого из нас, — вещала голограмма в натуральную величину, жестикулируя с неестественной плавностью. — Вместе мы построим будущее без страха.

В крошечном кабинете на задворках «Хроники» Энди Румер щёлкнул пальцем по экрану старого терминала. Трансляция оборвалась, но образ Трумер — безупречная причёска, идеальный костюм, пронзительный взгляд — будто застыл в воздухе, выжженный на сетчатке. Стабильность. Эра Стабильности. Эти слова висели на каждом плакате, звучали из каждого динамика, повторялись прохожими на улицах внизу мантрой, заменившей и мысли, и сомнения. Энди помнил другие слова. «Свобода». «Протест». «Правда». Они теперь казались архаизмами, шершавыми и неудобными, как грубая ткань после нейлонового гламура. Их стирали из официальных докладов, их избегали в бытовых разговорах — не из страха, а из-за странной амнезии, наступившей как побочный эффект выздоровления.

Энди откинулся на скрипучем кресле, потер переносицу. Усталость въелась в кости глубже городской копоти. На экране маячил черновик. «Трумер и новый закон о городском планировании: шаг к процветанию или централизация власти?» Заголовок был пустым, предсказуемым. Редактор ждал одобрительного бормотания о дальновидности сенатора, пары цитат из её последней речи, сухой статистики «возросшего доверия населения». Пыль в глаза. Блестящую, золотую пыль. Он когда-то писал о коррупции в муниципалитете, о последствиях Пыльных Бурь для окраин, где до сих пор в лёгких детей оседал мелкий кремнезём. Теперь его рубрика называлась «Городские Инициативы». Прогресс, поданный через призму архитектурных проектов и снижения уровня условных «бытовых жалоб».

Энди встал, подошёл к закопченному окну. Внизу кипела жизнь Эры Стабильности. Чистые улицы патрулировали полицейские в новенькой форме и безликие дроны-наблюдатели, их линзы холодно поблёскивали в свете фонарей. Транспорт тек упорядоченными потоками. На лицах людей — выражение не столько счастья, сколько усталого облегчения. Как после долгой болезни, когда главная радость просто отсутствие боли. Трумер обещала им именно отсутствие боли, отсутствие хаоса. И они цеплялись за эту иллюзию, обменивая на неё память о собственных голосах, о хаотичной и опасной, но своей, подлинной жизни.

— Иллюзия... — мысль проскользнула неожиданно, заставив его напрячься. Он поймал себя на том, что снова ищет изъян. Микроскопическую трещину в глянцевом фасаде. Вчера во время прямой трансляции с открытия новой больницы... что-то было. Не в словах, они были отполированы до блеска. В жесте? В повороте головы? Слишком плавно? Слишком расчётливо? Он не мог сформулировать, но ощущение засело под кожу, как заноза. Это было похоже на едва уловимый сбой, тишину, в которую могло ворваться что угодно. Или на микроскопическое дрожание уголка губ на слишком идеальной голограмме, будто система рендеринга на мгновение не справилась с симуляцией искренности.

— Профессиональная деформация, Румер, — усмехнулся он про себя, но усмешка вышла кривой. — Искатель сенсаций на пенсии, видящий заговоры там, где их нет. Он вернулся к терминалу, заставил пальцы забарабанивать по клавишам. «Сенатор Трумер, чья харизма и непоколебимая воля помогли нации подняться после Тёмных Лет...» Строчки казались безжизненными, как пластиковая еда. Фальшь. Она витала в воздухе. Не в словах Трумер, а во

всём этом спектакле. В этом всеобщем желании верить, что один человек, одна партия могут удержать мир от падения в пропасть. Он видел, как менялись лица коллег, как исчезали неудобные темы из эфира, как «Хроника» превращалась в рупор «позитивных изменений». Выживание. Все хотели просто выжить. И он тоже. Но выживание ценой внутреннего молчания — это ведь тоже форма духовной эвтаназии.

Он дописал абзац, отправил файл редактору с коротким, лишённым интонации сопроводительным сообщением. «Материал готов. Румер». — Ещё одна порция лака для фасада, подумал он без злобы, с усталой покорностью, которая сама по себе была хуже злости. Она означала, что даже сопротивление внутри себя он уже упаковал в аккуратные, безобидные рамки ироничной саморефлексии.

Энди потянулся за потрёпанной книгой, старым бумажным детективом, пахнущим пылью и временем. В мире полированного цифрового совершенства, где даже дождь шёл по расписанию очистки атмосферы, старые книги были его убежищем. Там герои ошибались, страдали, были живыми. В отличие от безупречной, вечно улыбающейся Дины Трумер на бесчисленных экранах. Он провёл пальцем по шероховатой бумаге, ощущая подушечками едва заметную деформацию чернил, оставленную типографским станком много лет назад. Это был след, не поддающийся цифровому исправлению. Настоящая история, в отличие от корректируемой в реальном времени истории настоящего.

Её образ отражался в мокром асфальте за окном, сливаясь с огнями города в одно гигантское, нерушимое зеркало иллюзии. Мир был под контролем. А Энди Румер, уставший журналист с обострившимся чутьём на ложь, сидел в своей клетке из стекла и бетона, бессознательно ощущая, как где-то глубоко под гладкой поверхностью Стабильности пробежала первая, невидимая трещина. Он пока не знал, что ищет её. Но трещина уже искала его. Она змеилась где-то в глубине данных, в случайно оброненной кем-то фразе, в слишком настойчивом взгляде незнакомца в метро, в едва уловимом гуле, доносившемся по ночам из-под земли, там, где когда-то проходили линии старых тоннелей, ныне запечатанных в рамках программы «Упорядочивания инфраструктуры». И когда-нибудь эта трещина должна была добраться до него — не как до журналиста, а как к тому единственному, кто ещё помнил вкус неподконтрольной, немерцающей правды.

Глава 2

Дождь за окном превратился в назойливый шёпот, барабанил по подоконнику, словно пытался что-то сообщить. Энди сидел за своим захламлённым столом, уставившись на застывшее изображение. На мониторе пауза в записи вчерашнего выступления Трумер на церемонии награждения «Героев Стабильности». Мероприятие длилось без малого пять часов.

Он перемотал к самому концу. На экране Трумер пожимала руки последнему награждённому — пожилому рабочему, чьё лицо светилось благодарностью. Её улыбка — всё та же, широкая, тёплая. Глаза — яркие, сфокусированные, как в начале трансляции. Энди ткнул пальцем в экран рядом с её лицом, увеличил изображение. Ни тени усталости. Ни намёка на припухлость век. Ни единой морщинки напряжения вокруг глаз, ни одного признака напряжения в плечах. Она излучала энергию, как только что вышедшая на сцену певица, а не человек, простоявший под софитами, отвечавший на вопросы, пожимавший руки сотням людей половину дня.

— Никогда не устаёт, — произнёс Энди вслух, и тишина кабинета поглотила слова, придав им вес.

Мысль обрела плотность, упала на дно сознания. Он вспомнил других политиков, измождённых, с серыми лицами после долгих митингов, с мешками под глазами после ночных совещаний. Трумер? Никогда. Она всегда была свежей. Как с иголочки. Как только что распакованный, активированный продукт.

Он открыл поисковик. Его пальцы, привыкшие к быстрому набору, теперь двигались медленно, намеренно. «Дина Трумер ранние фото». «Трумер университетские годы». «Трумер начало карьеры в благотворительности». Результаты выплыли мгновенно, но были скудными и странно однородными. Официальные биографии гласили о скромном происхождении, учёбе в престижном университете, на экране появились стерильные фото кампуса: идеальные газоны, современные корпуса. Фото Трумер среди студентов не было. Работа в благотворительных фондах — общие фото с детьми, подписанные как «Сенатор Трумер в молодости», но лица на них были размыты, будто обработаны фильтром. Все «ранние» изображения выглядели как кадры из недавних репортажей, искусственно состаренные шумами и зерном. Никаких случайных снимков со студенческих вечеринок, никаких фотографий из личных архивов знакомых, никаких записей в старых газетных колонках. Как будто Дина Трумер материализовалась на политической арене пять лет назад уже полностью сформированной, идеальной, без прошлого.

Энди мысленно прокрутил десятки её интервью, которые он за годы просмотрел по долгу службы и мимоходом. Она никогда не запинаясь. Никогда не подбирала слова. Никогда не позволяла себе заполняющих паузы междометий. Её ответы были точными, логически выверенными, эмоционально выдержанными — как будто сценарий отрепетирован до последней запятой, до малейшей интонации. Даже на каверзные вопросы о распределении ресурсов или спорных поправках в законах она отвечала с той же неизменной улыбкой, обезоруживающей любое сомнение, но никогда не выходила за рамки предсказуемого. Никакой спонтанности. Никакой человеческой неуклюжести, никакого случайного проявления усталости или раздражения. Это было похоже не на живой диалог, а на безупречную демонстрацию отлаженного алгоритма.

— Профессионализм высшей пробы, Энди, — сказал бы редактор Марвин, похлопав его по плечу. — Вот у кого надо учиться. Так держать аудиторию.

Но Энди не хотел учиться такому. Его журналистское нутро, засыпанное годами рутины и самоцензуры, зашевелилось, как спящий зверь, учуявший неладное. Эта безупречность была неестественной. Пугающей в своём машинном постоянстве.

Он открыл боковую вкладку, закладка форума «Старая Гвардия». Там тусовались старые журналистские гончие, те, кто ещё помнил времена до Стабильности, хаос, живые репортажи с баррикад и расследования, которые что-то меняли. Сайт был полузаброшен, трафик минимальным. Энди набрал запрос, тщательно подбирая слова, стараясь звучать как можно более нейтрально, даже слегка цинично: «Коллеги, кто-нибудь копал раннюю биографию нашего любимого сенатора? Интересно, где она блистала до того, как осчастливила нас своим присутствием в сенате. Фото не нахожу, одни сухие биографии».

Ответы пришли в течение часа, но были уклончивыми, обрывочными.

— Брось, Румер, зачем тебе? Она работает, город на подъёме. Не раскачивай лодку.

— Попробуй поискать по старым архивам Фонда «Новый Рассвет». Но там, предупреждаю, всё стерильно. Будто вымыли хорошенько.

Третий ответ заставил его прищуриться. Никнейм «Стервятник», который он помнил по громкому делу о коррупции в жилищном комитете десять лет назад.

— Слушай, у меня тут странность была. Год назад собирал материал для справки по её ранним инициативам. Папка с файлами, интервью, сканы документов фонда, просто взяла и испарилась. Вечером работал, утром пусто. Ни в корзине, ни в логах удалений. Сисадмин плечами пожал, сказал, вирус неверное какой-то локальный. Но странно... очень странно.

Четвёртый ответ был коротким и по-солдатски прямолинейным: «Она просто скромная. Не палит своё прошлое. Молодец. Уважаю».

Последний ответ заставил Энди усмехнуться сухо, беззвучно. Скромная? Женщина, чьё лицо на каждом экране, чьё имя в каждом выпуске новостей? Нет. Это не скромность. Это что-то другое. Что-то системное, продуманное.

Он встал, и кости отозвались тупой болью. Подошёл к старой, вечно подтекающей кофемашине, которую никто не ремонтировал, потому что заявка на новую бродила по инстанциям уже полгода. Рядом, у своего аккуратного столика, сидела Элис Морган из отдела культуры, разбирая стопку пресс-релизов о новом виртуальном театре — личной инициативе Трумер по поддержке искусств.

— Элис, — начал Энди, наливая себе горькую чёрную жижу, — вопрос на засыпку. Ты не припоминаешь, видел ли кто-нибудь Трумер... ну, живую, не по телевизору? Не в образе? Без этого... идеального грима и причёски? Может, уставшую после совещания? Хоть раз?

Элис подняла брови, её глаза за стёклами очков округлились. Она положила листок, который держала.

— Энди! Что за вопросы такие? — её голос звучал скорее не испуганно, а настороженно. — Сенатор образец выдержки и преданности делу. Конечно, она человек, но... — Она запнулась, покусывая губу, ища слова. — Ну... я думаю, она просто очень хорошо держит удар. Дисциплина. И заботится о себе, это же очевидно. Зачем тебе?

— Да так... — Энди сделал глоток кофе, глядя поверх кружки. — Просто интересно. Человек — он ведь... неровный. Ошибается, устаёт, теряет нить. А она... как отлаженный механизм.

— Она наша стабильность, Энди, — тихо, но с внезапной твёрдостью сказала Элис. В её голосе прозвучал не просто укор, а лёгкий, едва уловимый страх. — Не копай лишнего, ладно? Это никому не нужно. Редакции уж точно. И тебе... — она посмотрела прямо на него, — тебе тем более. Поверь.

Энди кивнул, делая вид, что согласен, что это просто праздный интерес. Но слова Элис не успокоили, а лишь подлили масла в тлеющий внутри огонь. «Никому не нужно». Именно. Система работала безупречно, и любое сомнение в её главном символе, даже невинное любопытство, было крамолой. Негласной, но оттого не менее опасной.

Он вернулся к своему столу. На экране всё так же сияла застывшая Трумер. Её глаза, яркие и уверенные, смотрели прямо на него. Или сквозь него? В них был холодный, метал-

личный блеск совершенства, лишённый глубины, той самой живой неровности, которую он искал.

Никогда не устаёт.

Слишком идеальные, отрепетированные ответы.

Нет прошлого, нет «закадровой» жизни.

Маленькие факты, попавшие в шестерни его профессионального безразличия. Они не складывались в цельную картину, не доказывали ничего. Но они чесались где-то в глубине сознания. Тревожили.

Энди вырубил изображение Трумер. Тёмный экран отразил его собственное лицо — усталое, небритое, с глубокими тенями под глазами и той самой живой, немодной усталостью, которую он не находил у неё. Он потянулся к нижнему ящику стола, нащупал под папками с отчётами шершавый картонный переплёт. Вытащил старую записную книжку, ту самую, что прятал. Блокнот был почти полный, но первые половины страниц были исписаны годами раньше, во времена, когда вопросы ещё были безопасны. Он открыл его на чистом развороте ближе к концу. Вывел аккуратную дату.

И начал писать заметки. Вопросы. Наблюдения. Неуклюжие, корявые, как первые шаги после долгого сна. Чернильная ручка скрипела по плотной бумаге.

«Пункт. 1: Аномалии Т.

Физическая выносливость сверхчеловеческая? Или нечеловеческая? Отсутствие признаков усталости после многочасовых мероприятий. Постоянный тонус. Нет мимических морщин напряжения.

Речь алгоритм? Никаких оговорок, пауз, слов-паразитов. Всегда «по тексту», даже в ответах на неожиданные вопросы. Эмоциональный диапазон стабилен, без срывов.

Прошлое стёрто? Кем? Почему? Нет личных, случайных фото. Нет однокурсников, готовых дать комментарий «о молодости». Биография начинается с чистого листа.

Системная защита? Случай с файлами у коллеги («Стервятник»). Мои поиски слишком «чистые», стерильные результаты. Отсутствие цифрового мусора, который всегда есть.»

Каждая буква, каждый пункт был актом приватного бунта. Он не знал, куда это его заведёт. Возможно, никуда. Но ощущение фальши, прежде смутное, туманное, теперь начало обретать конкретные, почти осязаемые очертания. Песчинки превращались в мелкий камешек. А камешек, брошенный в отлаженный механизм, мог вызвать непредсказуемые последствия.

Он дописал последний пункт, поставил вопросительный знак, нажимая так сильно, что бумага едва не порвалась. Потом резко захлопнул блокнот, как будто боялся, что кто-то читает через плечо, и сунул его обратно в ящик, придавив папкой с финансовыми отчётами. Сердце стучало чуть чаще обычного, ровный ритм сбился.

Энди взглянул в окно. Напротив, на плоской крыше соседнего административного здания, замер один из наблюдательных дронов. Обычная картина. Но сейчас его линза, тёмный стеклянный глаз, казалась направленной не на улицу внизу, а прямо на его окно, на его фигуру у стола. Или это ему показалось? Паранойя журналиста, слишком долго смотрящего в экран?

Он отвернулся, сглотнув внезапно образовавшийся комок в горле. Никаких фанфар, никаких решений, озвученных вслух. Но внутри что-то щёлкнуло. Решение было принято. Тихо, окончательно.

Он начал копать.

Глава 3

Тусклый свет энергосберегающей лампы, вкрученной в настольную железную колонку, мерцал над столом Энди, отбрасывая нервные, прыгающие тени на груды бумаг, распечаток и старых номеров «Хроники». За окном давно стемнело, городская ночь поглотила суету. Но сам город не спал — он светился холодным, упорядоченным сиянием неоновой рекламы, экранов с повторяющимися роликами и зелёных огоньков патрульных дронов, скользящих по заданным маршрутам. В кабинете царила густая, давящая тишина, нарушаемая лишь монотонным гудением системного блока и редкими, отрывистыми постукиваниями клавиш.

Энди склонился над терминалом, его спина затекла от неподвижности. На экране в хаотичном порядке были разбросаны окна: скриншоты выступлений Трумер разных лет с пометками о времени и длительности, попытки через цепочку прокси-серверов углубиться в цифровые архивы Фонда «Новый Рассвет», фрагменты старых новостных сводок времён Хаоса, скачанные с полузаброшенных торрент-трекеров. Его блокнот лежал раскрытым рядом, чистые страницы теперь были испещрены стрелками, вопросительными знаками, обведёнными кружками датами. Те три песчинки постепенно обрастали подозрительной горсткой косвенных улик.

Университетские архивы. Он потратил два часа, чтобы найти бэкдор в цифровую библиотеку. Нашёл упоминание о факультете политологии, который она якобы окончила с отличием пятнадцать лет назад. Но когда он открыл папку с дипломными работами и списками выпускников за тот конкретный год, данные оказались повреждены. Он попробовал открыть соседние года — 2015, 2017, 2020 — архивы целы, читаемы, с фотографиями выпускников, названиями работ. Только её год, 2016, был мёртвой зоной. Слишком чисто, чтобы быть случайностью. Это была не просто дыра, а хирургически точное иссечение — словно кто-то взял ластик и стёр кусок реальности, оставив лишь гладкую, непроверяемую пустоту. Она существовала только в официальных биографиях, как прописанный по сценарию факт, лишённый материальных доказательств.

Затем фонд «Новый Рассвет». Согласно биографии, Трумер проработала там три года перед переходом в политику. Официальный сайт фонда пестрел глянцевыми фото текущих проектов, но раздел «История» и «Архив проектов» за соответствующие годы был пуст. Не «в разработке», а именно пуст. Исключительно белые страницы с логотипом. Поиск по названиям проектов, которые она упоминала в ранних интервью, выдавал лишь ссылки на новостные заметки «Хроники» и других проправительственных изданий за последние три года. Более ранних упоминаний не существовало. Казалось, её публичная жизнь началась ровно в тот момент, когда она появилась на пороге мэрии с улыбкой, обещающей порядок. Всё, что было до, растворялось в цифровом тумане, становилось недостоверным, почти мифическим.

Энди создал новую папку на жёстком диске своего старого, ни с кем не связанного рабочего терминала: «Т_Анализ». Перетащил туда все скриншоты, текстовые заметки, сканы редких бумажных статей времён Хаоса, где искал хоть намёк на её имя. Работал с сосредоточенной, почти яростной энергией человека, который наконец-то нашёл выход для накопившегося годами профессионального скепсиса, липкого чувства неправды. Каждый сохранённый файл, каждая строчка в блокноте были маленьким, молчаливым актом сопротивления против всеобщего, удобного забвения. Он чувствовал почти физическое удовлетворение, собирая эти осколки в единую мозаику, ещё не зная полной картины, но уже ощущая её опасные очертания.

Кофе в кружке кончился, оставив на дне горький осадок. Энди встал, потянулся, и позвонки хрустнули протестующе. Подошёл к кофемашине в углу. Пока она с трудом выдавливала струйку тёмной жидкости, он прислонился к стене и смотрел в окно. На плоской крыше здания напротив, как и вчера, замер одинокий наблюдательный дрон. Его корпус сливался с

темнотой, но красный индикатор статуса мигал ровно, неспешно, как механический пульс. Энди почувствовал, как по спине пробежал холодок, не связанный с ночной прохладой. Он ловил себя на мысли, что этот дрон не похож на обычные патрульные модели — он был чуть больше, чуть статичнее, и его оптический сенсор, казалось, был направлен не на улицу, а прямо на его окно.

— Воображение, — прошипел он себе под нос, отворачиваясь от окна и наливая кофе. — Паранойя. Усталость.

Вернувшись к столу с дымящимся стаканчиком, он ткнул мышью, чтобы развернуть окно проводника и продолжить работу с папкой «Т_Анализ».

Папки не было.

Энди поморщился, списав на усталость глаз. Переключился на рабочий стол. Иконки ярлыков, стандартные папки «Документы», «Загрузки». Папки «Т_Анализ» среди них не было. Он открыл проводник, пролистал каталог диска C:, затем D:. Вручную проверил «Документы», «Загрузки», даже системные папки вроде «AppData» — везде пустота. Папка исчезла. Бесследно. Без единого следа. Не осталось даже записи в индексе поиска, будто её имя было вырезано из самой таблицы файловой системы. Он вспомнил, как всего несколько минут назад сохранял туда последний скриншот — система подтвердила действие привычным тихим щелчком. А теперь ничего.

Сердце екнуло, сделав болезненный пережат в груди. Глюк. Сбой. Старое железо глючит, ОС сыпется. Он щёлкнул по значку корзины на рабочем столе. Она открылась — пустая. Ни следов удаления за последние сутки. Система не зафиксировала перемещения или удаления большого объёма данных. Как будто папки «Т_Анализ» никогда и не существовало. Энди запустил поиск по всему компьютеру по ключевым словам из заметок. Через минуту система выдала сухой результат: «Файлы, соответствующие запросу, не найдены». Он попробовал восстановить систему на пару часов назад — утилита отработала, но папка не появилась. Она не была удалена. Она была аннулирована.

Холодок усилился, превратившись в ледяную струйку пота, пробежавшую между лопаток. Он вспомнил сообщение «Стервятника» на форуме: «у меня тут файлы... взяли сами и испарилась». Не глюк. Не случайность. Это был метод. Чистый, бесшумный и вселяющий ужас. Ни взлома, ни угроз, ни вирусов — просто коррекция реальности, стирание неудобных данных с приватного устройства, как будто право на память принадлежало не ему.

Руки слегка дрожали, когда он быстро открыл свою личную почту в браузере. Отправил себе на рабочий ящик пару тестовых файлов из облачного хранилища — это был скан старой, не имеющей отношения к Трумер статьи времён Хаоса о дефиците воды и пару личных фотографий с прошлого корпоратива. Файлы пришли мгновенно, открылись без проблем. Облако работало. Интернет работал. Системный антивирус молчал. Исчезло только одно, всё, что касалось её. Точнее, его попыток докопаться. Это была не техническая неполадка, а целенаправленная хирургическая операция.

Энди откинулся на спинку кресла, которое жалобно скрипнуло. Монотонный гул системника, теперь казался зловещим, осознанным. За окном дрон всё так же мерцал своим красным глазом. Ритмично. Невозмутимо. Он представил, как по невидимым каналам, через бэкдоры в операционной системе, которые он, как ему казалось, знал и контролировал, прополз незримый червь, нашедший, идентифицировавший и аккуратно изъывший именно то, что было не положено. Без права на апелляцию.

— Они знают, — мысль пронеслась в голове чётко, холодно, как удар колокола. — Они знают, что я копаю. И они просто... стёрли это. Аккуратно. Без шума. Не взламывая дверь, а просто пройдя сквозь стену.

Утро не принесло облегчения, только серый свет и тяжёлую голову. Энди пришёл в редакцию раньше всех, надеясь в тишине найти хоть какие-то цифровые следы, лог-файлы системы,

записи событий, временные копии в папке Temp. Ничего. Система его терминала была чиста, как будто его ночные изыскания, его папка, его сомнения были всего лишь дурным сном, игрой воспалённого воображения. Осталась только пугающая, абсолютная пустота и стойкое, физическое чувство слежки. Он ловил себя на том, что невольно косил глаза на окно, на вентиляционную решётку, на чёрный глазок веб-камеры на мониторе. Каждый звук — шаги в коридоре, гудение лифта — заставлял его вздрагивать. Он чувствовал себя голым, прозрачным, будто его мысли сами по себе транслируются на невидимый пульт.

Он выждал, наблюдая из-за своего стола, пока Марвин Коул, его редактор, не допил свой утренний капучино из дорогого термостакана с лазерной гравировкой логотипа партии Трумер — стилизованное солнце над прямой линией горизонта. Марвин был классическим человеком системы, усталым, слегка циничным на кухне за чаем, но глубоко, на уровне костей убеждённым, что Стабильность, какой бы искусственной она ни была, это высшее благо после пережитых ужасов Хаоса. Лишние вопросы, по его мнению, были непозволительной роскошью, опасной для всех.

— Марвин, можно на минуту? — Энди подошёл к его стеклянной кабинке, постучав костяшками пальцев в притворно-лёгкой манере.

Марвин взглянул поверх очков для чтения, жестом приглашая войти, не отрываясь от планшета с утренней сводкой новостей.

— Румер. Что там? Твой материал по третьему сектору готов? Дай взглянуть, пока утренняя летучка не началась.

— Не, я не про материал, Марвин. Вчера... тут странность произошла. У меня пропали файлы. Целая папка с рабочими материалами. С важными данными для одного... расследования.

Энди старался говорить максимально спокойно, деловито, но голос на последнем слове дрогнул, выдавая внутреннее напряжение. Он видел, как изменилось выражение лица Марвина — не удивление, а скорее мгновенное, привычное раздражение, смешанное с усталой бдительностью.

Марвин медленно положил планшет, нахмурил густые седые брови.

— Пропали? Как это «пропали»? Удалены случайно? В корзине искал?

— Нет. Бесследно исчезли. Из проводника. Поиск не находит. Как будто их никогда не было. И это касалось... конкретного расследования. Одной темы.

Энди не решился назвать имя вслух. В кабинке и так было душно, пахло дорогим кофе и старой бумагой.

Марвин снял очки, положил их на стол, протёр перемычку носа двумя пальцами. Долгий, усталый выдох. Он не смотрел на Энди, а смотрел куда-то мимо, в точку на стене, будто там был написан заранее заготовленный ответ.

— Энди, Энди... — вздохнул он с театральной, нарочитой усталостью человека, который угадал суть проблемы с полуслова. — Опять твои «расследования»? Мы же с тобой, кажется, говорили. Не раз. Люди хотят позитива. Стабильности. Спокойного сна. Им не нужны, понимаешь, не нужны твои копания в грязном белье прошлого или... поиски скелетов в шкафах настоящего. — Он посмотрел на Энди прямым, жёстким, лишённым обычной рассеянности взглядом. — Особенно... особенно когда это касается фокуса этой самой стабильности. Её символа. Ты меня понимаешь?

Энди почувствовал, как кровь приливает к щекам, к ушам. Гнев, смешанный с бессилием, подкатил комом к горлу.

— Но файлы исчезли, Марвин! Это не случайный сбой, не вирус! Это...

— Случайность! — Марвин отрезал резко, не повышая голоса, но его ладонь с хлопком опустилась на стеклянную столешницу. стакан с карандашами и ручками дрогнул, звякнув. — Глюк системы. Устаревшее железо, которое тебе давно надо было менять, но ты всё отказы-

вался. Вирус какой-нибудь троян. Что угодно. Служба ИТ всё починит. Или не починит. Невелика потеря, если это были твои... конспирологические заметки, — он произнёс это слово с лёгким, но уничтожающим презрением, будто выплюнул что-то горькое.

Марвин смягчил тон, наклонился вперёд, но в его глазах не было ни капли тепла или сочувствия, только усталая настойчивость и что-то ещё — предостерегающая отстранённость.

— Послушай старого товарища, Энди. Оставь это. Выбрось из головы. Возьмись за что-нибудь светлое, жизнеутверждающее. О новых парках в четвёртом секторе. О программе молодых грантов Трумер, это отличная тема. Пиши о хорошем. О том, что строится. И забудь про эти... странности. — Он махнул рукой, как отмахиваются от назойливой мухи. — Никому это не нужно. Редакции точно нет. Читателям — нет. И тебе... — он сделал паузу, в которой повисла вся тяжесть невысказанного, — тебе самому же спокойнее будет. Не нарывайся на неприятности. Серьёзно.

— Неприятности? — Энди замер, почувствовав, как холодеют кончики пальцев. Внутри всё сжалось в ледяной комок. — Какие неприятности, Марвин? Я просто вёл рабочую папку. Расследовал.

Марвин снова надел очки, и его лицо стало похоже на маску — непроницаемой, официальной, отполированной годами компромиссов.

— Любые. В наше время, Энди, спокойствие это главный ресурс. Самый дефицитный. Не трать его попусту. Не растрачивай на ерунду. Советую тебе. Как друг. И как начальник.

Он взял очередную папку со стола, открыл её, давая понять, что разговор окончен. Точка. Приговор вынесен. Апелляция не предусмотрена.

— Ищи другую тему, Румер. Плодотворную. Без... скелетов.

Энди стоял ещё секунду, ощущая холод линолеума под тонкими подошвами ботинок и ледяную, тошнотворную пустоту внутри, в самой грудной клетке. Отмахивание. И предупреждение. Чёткое, недвусмысленное предупреждение, замаскированное под дружескую, начальническую заботу. «Не нарывайся» — это было ключевое слово. Оно означало, что неприятности уже стоят за дверью, и только его поведение определяет, войдут они или нет.

Он молча кивнул, развернулся и вышел из стеклянной кабинки. В ушах стоял высокий, неприятный звон, заглушавший звуки редакции. Он прошёл мимо рядов сотрудников, уже склонившихся над экранами, щёлкающих мышками, обсуждающих вполголоса темы на день. Никто не поднял на него глаз. Никто не заметил его бледного, землистого лица, сжатых в бессильных кулаках пальцев. Мир «Хроники» продолжал вращаться в своём безупречном, отлаженном, безопасном ритме. Он был посторонним в этом ритме, диссонирующей нотой, которую вот-вот заглушат.

Вернувшись к своему столу, Энди машинально, почти на автопилоте, ткнул кнопку включения терминала. Экран засветился, прошла загрузка. Рабочий стол. Иконки. И там, в центре, на чистом месте, где вчера была пустота, теперь красовалась одна-единственная папка. Чистая, новая, со стандартной иконкой. С названием, которое заставило его дыхание перехватить, а желудок сжаться: «Т_Анализ_Бэкап».

Он сел, медленно, как в замедленной съёмке, чувствуя, как деревенеют ноги. Открыл папку дрожащей, но уже не от страха, а от холодной ярости рукой. Внутри были файлы. Все. Скриншоты, текстовые заметки, сканы. Выглядящие абсолютно нетронутыми, с теми же датами изменения, что он поставил вчера. Как будто их не стирали, а просто... временно переместили в невидимое хранилище. А потом так же аккуратно вернули на место. Чисто. Вежливо. И с убийственным намёком. Это был не банальный взлом. Это был перформанс. Демонстрация абсолютного превосходства и абсолютного контроля. «Смотри, — говорила эта папка. — Мы можем войти в твой цифровой дом, когда захотим. Мы можем забрать твои секреты. А можем и вернуть, чтобы ты знал, что мы их забрали. Ты не хозяин даже здесь».

«Служба ИТ всё починит», — прозвучал в голове голос Марвина, но теперь эти слова звучали как зловещая, циничная шутка, как часть сценария, в котором все играли свои роли.

Энди закрыл папку. Не стал открывать ни один файл. Он уже знал, что там. И теперь он знал нечто гораздо более важное: они знают, что он знает. Они видели его папку, прочитали его заметки. И это исчезновение и возвращение — не ошибка системы, не глюк. Это был ответ. Вежливый, чистый, но абсолютно недвусмысленный. Стоп. Отбой. Не лезь не в своё дело. Последнее предупреждение перед более ощутимыми мерами.

Он поднял голову и посмотрел в окно. На крыше здания напротив дрон всё так же стоял на своём посту. Его красный индикатор мигнул раз, затем ещё раз. Ровно. Методично. Почти приветливо. Или предупреждающе. Разницы уже не было. Теперь этот мигающий свет был частью диалога, немойм вопросом: «Понял?»

Энди медленно, с преувеличенной осторожностью, будто боялся спровоцировать звуковую сигнализацию, вытащил из ящика старую потрёпанную записную книжку в кожаном переплёте — реликвию ещё аналоговой эпохи. Открыл на странице с заголовком «Пункт 2: Аномалии Т.». Перевернул страницу. Вывел новую дату. И написал крупными, чуть дрожащими, но уже твёрдыми, решительными буквами, вдавливая стержень в бумагу:

«Пункт 3: Первая Помеха.

Файлы («Т_Анализ») стёрты системно. Не случайно. Всё остальное работает. Целенаправленное, избирательное удаление.

Разговор с Марвином. Отмахнулся. Назвал «конспирологией». Дал совет «искать другую тему». Прозрачное предупреждение под видом заботы. Соучастие системы на человеческом уровне.

Файлы возвращены под названием «Т_Анализ_Бэкап». Чисто. Аккуратно. Как демонстрация контроля. Как урок: «Мы видим всё. Можем всё убрать. Можем всё вернуть. Ты — под колпаком». Это не защита данных. Это выставление счёта.»

Он поставил жирную, почти прорвавшую бумагу точку. И добавил ниже, подчеркнув две черты:

«Вывод: Это не глюк. Это была первая перестрелка. Первый выстрел сделан. Они ответили. Тишиной и порядком. Но перестрелка подразумевает две стороны. Молчание принято. Игра началась.»

Он захлопнул блокнот и спрятал его глубже в ящик, под самую металлическую основу, где лежали старые, никому не нужные дискеты — в своеобразный цифровой склеп. Кофе на столе окончательно остыл, недопитый, образовав на поверхности маслянистую плёнку. За окном снова заморосил запрограммированный, экологичный дождь, стекавший по стеклу идеально прямыми струйками. А Энди Румер сидел, не двигаясь, глядя на чистый, тёмный экран терминала, в котором, как в чёрном зеркале, отражалось его собственное лицо — лицо человека, который только что получил железное, неоспоримое подтверждение своим самым страшным, самым нелепым подозрениям. Страх не исчез — он кристаллизовался, превратился в холодный, твёрдый ком в солнечном сплетении. Но вместе с ним пришло и странное облегчение. Он не сошёл с ума. Его паранойя была не болезнью, а инстинктом, точным диагнозом реальности. И понял, что с этой секунды пути назад нет. Чувство «неладного», томное и размытое, окончательно кристаллизовалось в ледяную, тяжёлую, неопровержимую уверенность. Теперь это была не догадка, а знание. А знание, даже самое опасное, давало единственное, что у него оставалось — точку опоры. Он больше не плыл по течению. Он начал подпольную войну за правду, о которой никто, даже он сам до конца, не просил. И первая битва была проиграна, но война только началась.

Глава 4

«Ржавый Болт» был дырой, затерявшейся в лабиринте улочек Старой Промзоны. Сюда не доходил яркий свет Эры Стабильности — только тусклое мерцание неоновых вывесок дешевых кибер-салонов. Энди сидел в углу, спиной к стене. стакан теплого мутного пива перед ним стоял нетронутым. Пальцы нервно отбивали дробь по липкому столу.

Гул доносился от старого холодильника за стойкой и приглушенных разговоров дальнобойщиков у входа.

Он нашел ее. Анну Мулс. Бывший техник из засекреченного проекта «Образ». Поиски были адскими: стертые профили, мертвые контакты, шепотки на закрытых форумах. Помог старый долг — контактер из времен расследований военных подрядов. Тот рискнул и прошептал: «Ищи в Промзоне. Работает на мелком ремонте. Но будь осторожен, Румер. С ней нечисто. И за ней следят».

Дверь скрипнула, впуская порыв влажного холода и невысокую фигуру в потертом плаще. Воротник был поднят, шапка надвинута на лоб. Она окинула бар быстрым, сканирующим взглядом, не пытаясь найти знакомых, а вынюхивала, нет ли ловушек. Увидела Энди. Замерла, оценивая риск. Затем короткими шагами направилась к его столику.

— Румер? — голос низкий, хриплый, будто редко используемый.

Она не села, уперлась руками в спинку стула. Костяшки побелели. В тусклом свете Энди разглядел лицо — моложе, чем ожидал, но изможденное. Темные круги под глазами, которые горели лихорадочным блеском. Напряженная челюсть. Она постоянно озиралась.

— Анна Мулс? — Энди кивнул на стул. — Спасибо, что пришли. Присаживайтесь.

Она проигнорировала предложение.

— Времени мало. Что вам нужно?

Ее глаза метнулись к двери, потом обратно к нему — цепкие, недоверчивые.

Энди наклонился вперед, понизив голос.

— Проект «Образ». Я пытаюсь понять кое-что. Одна аномалия. Она связана с технологиями отображения высочайшей точности. С такими, что могут создавать... идеальные иллюзии.

Название проекта подействовало на нее, как удар. Она выпрямилась, побледнев.

— «Образ»? — прошипела она почти беззвучно. — Вы не знаете, о чем говорите. Проект закрыт. Все похоронено.

Она сделала шаг к выходу.

— Подождите! — Энди встал, стараясь не делать резких движений. — Мне нужна информация. Любая. Я вижу странности. Нестыковки. С Трумер.

Он выдохнул имя, как пароль.

Услышав его, Анна съежилась. Рука инстинктивно потянулась к горлу.

— Трумер... — прошептала она так тихо, что Энди едва расслышал. — Они использовали это? Они действительно посмели?

— Использовали что? — настаивал Энди, чувствуя, как колотится сердце. — Что это за проект «Образ»?

— Проект невидимых кукол! — вырвалось у нее, голос сорвался на шепот, полный ужаса. — Мы создавали инструмент! Для медицины, обучения, связи! Не для того, чтобы кукловоды прятались в тени и дергали за ниточки!

— Кукловоды?

Энди шагнул ближе, но Анна отпрянула.

— Они невидимы! Они везде! В сетях, в камерах... — она махнула рукой в сторону улицы, где проплыл патрульный дрон. — Они знают, Румер. Знают, что ты спрашиваешь. Знают, что я здесь. Они всегда все знают!

Дыхание ее стало прерывистым. Она снова оглядела бар, взгляд задержался на мужчине в дальнем углу.

— Анна, пожалуйста...

— Нет! Я пошла. Не хочу вспоминать! Не хочу знать, что они сделали с моим детищем! — в глазах блеснули слезы. — Оставь это, Румер. Ради своей жизни. Они не играют по правилам. Они стирают помехи. Как файлы.

Она повернулась, схватилась за ручку двери. Перед тем как выйти, бросила на него последний взгляд — полный предостережения и чего-то, похожего на жалость.

— Беги, пока можешь. Ищи другую тему для репортажа. Эта... тебя убьет.

Дверь захлопнулась. Энди медленно опустился на стул. Слова Анны висели в воздухе, как дым после выстрела. Он сидел неподвижно, слушая, как собственное дыхание смешивается с гулом холодильника. В ушах все еще звенел ее сдавленный шепот, а в висках отдавалось тяжелым, нарастающим стуком. Он был так близко. Опасность перестала быть абстрактной тенью, она обрела голос, лицо, панический блеск в глазах. И это было в тысячу раз страшнее.

Невидимые кукловоды. Они стирают помехи. Как файлы.

Мысль билась, как птица о стекло. Если они стирают, значит, у них есть доступ ко всему. К городским логам, к архивам, к личным ячейкам памяти. Значит, его собственные записи, эти клочки правды, которые он собирал по крупицам, уже могли быть считаны, продублированы, помечены для удаления. Он ощутил ледяную тяжесть в груди. Он смотрел на пиво, и мутная жидкость в стакане вдруг показалась ему метафорой всей Эры Стабильности — спокойной лишь на поверхности, а в глубине скрывающей страх, ложь и цифровую грязь.

Мужчина в углу встал, заплатил и вышел той же дверью, не взглянув на Энди. Совпадение? Или она была права? Они всегда знают.

Энди заставил себя дышать ровнее, чувствуя, как по спине пробегают мурашки. Бар опустел еще на одного человека, и это пустое место теперь казалось зияющей дырой, слепым пятном, в котором только что сидела угроза. Или наблюдатель. Возможно, это и было одно и то же.

Энди достал записную книжку. Кожаная обложка была протертой на углах, знакомая шершавость под пальцами немного успокоила. Открыл. Нашел последнюю запись: «Это не глюк. Это была война. Первый выстрел сделан.»

Перевернул страницу. Вывел дату. Ручка на мгновение зависла в воздухе, будто и она боялась оставлять след. Затем он написал твердым, почти безжалостным почерком, пытаясь загнать тревогу в клетку из букв:

«Пункт 4: Встреча с Тенью.»

Анна Мулс. Бывший техник «Образ». Жива. В панике. Убегает. Видит угрозу повсюду.

Проект «Образ»: Технология «невидимых кукол». Для отображения. Использована не по назначению. Переделана в оружие контроля.

Кукловоды: Невидимы. Везде. В сетях, в системах наблюдения. Стирают помехи. Удаляют людей.

Они знают. За мной следят. За ней следят. Наблюдение ведется в реальном времени. Возможно, через объективы камер, микрофоны.

Технология существует. И она используется не по назначению. Трумер не глюк.

Он захлопнул блокнот, прислушиваясь к звуку обложки, глухой щелчок. Взгляд упал на окно, за которым мигал неон и скользили тени. Каждая из них теперь казалась подозрительной, каждое движение на улице — частью слежки. Война продолжалась, но ее правила были ему неведомы. Он получил смертельные данные, и теперь они жгли карман его плаща, притягивая взгляды из каждого темного угла. Он тоже стал помехой. Файлом в очереди на удаление. Но стирать можно только то, что найдено. А он еще не попался.

Глава 5

Солнечный свет в окне редакции «Хроники» казался насмешкой — яркий, беззаботный, люющей на идеально чистые столы, он подчеркивал искусственность этого спокойствия. Энди пытался сосредоточиться на заметке о ремонте фонтана в Центральном парке, но слова на экране расплывались, превращаясь в бессмысленные черные червячки. Воздух в офисе, обычно наполненный стуком клавиатур и спорами редакторов, сегодня вибрировал другим, густым напряжением. Коллеги, проходя мимо его стола, делали неестественно широкую дугу, взгляд приклеивая к полу или к телефону. За мониторами слышался сдавленный шепот, обрывавшийся, когда он поднимал голову. Он стал прокаженным.

Все началось утром, в восемь ноль-ноль. Взяв кофе, он машинально зашел в сеть. В трендах, рядом с котиками и политическими скандалами, маячил хештег: #РумерСрываетПокровы. Клик.

На главном новостном агрегаторе, на самой видной позиции, красовалась статья: «Журналист в тисках стресса: Психиатр о тревожных симптомах у ветерана прессы». Под заголовком — его старое фото с корпоратива, но обработанное: глаза были искусственно затемнены, уголки губ опущены, создавая впечатление изможденной, почти параноидальной гримасы. Рядом сиял улыбкой подобранный по струнке мужчина в очках с интеллигентной оправой: «Доктор Артем Логвин, эксперт по профессиональному выгоранию медийных персон». Цитата, выделенная жирным: «Коллеги господина Румера в частных беседах отмечают нарастающую замкнутость, одержимость конспирологическими теориями и неадекватную реакцию на критику. Это классические признаки синдрома, который, если его игнорировать, может привести к полной дезадаптации и опасным для общества выводам».

Энди онемел. Он никогда не слышал о Логвине. Никто из его коллег не спрашивал его о здоровье. Это был безупречный, отполированный до блеска кусок лжи, поданный под соусом экспертного мнения. Сердце начало биться глухо и тяжело, как будто пытаюсь вырваться из ледяной ловушки.

Он открыл соцсеть. Его профиль был завален уведомлениями — не десятками, а сотнями. Насмешливые мемы, где его лицо с того же фото накладывали на плакаты сумасшедших пророков. «Искренние» пожелания от фейковых аккаунтов «обратиться к специалисту». Гневные, однотипные обвинения в подрыве устоев Эры Стабильности. И, пробивающиеся сквозь этот шум, откровенные, животные выплески: «Сдохни, псина», «Гнида, тебя сожгут», «Лечись или исчезни».

В ленте всплыл пост популярного блогера-политолога, на которую была подписана половина редакции: «Когда журналистика становится болезнью: Феномен Энди Румера и опасность дезинформации». Текст был шедевром подтекстов: тонкие, ядовитые намеки на «личные, возможно, непристойные корни» его внезапного интереса к Трумер, на «травму прошлого», которая искажает восприятие реальности. Комментарии под постом кипели единой, направляемой волной ненависти. Кто-то даже «вспомнил», будто бы Румер уже лечился от паранойи год назад. Ложь обрастала плотью цифровых подтверждений.

— Энди? Ты в порядке?

Он вздрогнул, оторвавшись от экрана, который теперь казался порталом в ад. Элис, младшая редакторка, всегда приветливая, стояла рядом с кружкой чая в руках. Ее лицо выражало неподдельное, но растерянное беспокойство.

— В порядке? — он горько, с сухим треском усмехнулся, указывая пальцем на монитор. Его палец дрожал. — Что это такое, по-твоему? Случайность? Чья-то злая шутка?

Она скользнула взглядом по статье, по его искаженному фото, и губы ее дрогнули. В ее глазах мелькнуло нечто большее, чем сочувствие — страх. Страх быть связанной с ним.

— Это... это ужасно, — тихо сказала она. — Но... Энди, может, тебе и правда стоит взять паузу? Отдохнуть? Поговорить с кем-то? Эти статьи... они везде. Их все обсуждают.

— Это фейки, Элис! — вырвалось у него громче, чем он хотел. Голос сорвался, прозвучав хрипло и неестественно в тишине отдела. Несколько голов резко повернулись, и он поймал на себе быстрые, испуганные взгляды. — Меня целенаправленно травят! Не понимаешь?

Элис отступила на шаг, будто отшатнулась от физической угрозы. В ее испуге была леденящая душу ясность.

— Я... я верю тебе, — пробормотала она, глядя куда-то в сторону. — Но... просто будь осторожен. Это выглядит очень... очень плохо.

Она быстро развернулась и почти побежала к своему столу.

«Выглядит очень плохо». Ключевые слова. Имидж. Репутация. В мире, где правду определяли не факты, а количество репостов, тональность ведущих новостных каналов и общее «восприятие», его репутационный щит треснул и рассыпался в прах. Он стал проблемой. Психом. Неудобным, нестабильным элементом, угрозой спокойствию коллектива. Его правда ничего не весила против отлаженной машины дискредитации.

Давление нарастало волнами. В почтовом ящике всплыло новое письмо — от шефа, Марвина. Тема: «Вопросы взаимодействия». Текст: «Энди, ввиду сложившейся неоднозначной общественной ситуации вокруг твоего имени, прошу тебя воздержаться от любых публичных выступлений, комментариев в соцсетях и интервью до выяснения обстоятельств. Также настоятельно рекомендую взять несколько дней отгула для стабилизации состояния. Марвин». Вежливая, корпоративная отстраненность. Первый официальный шаг к изоляции, а затем — к увольнению «по соглашению сторон».

Телефон в кармане завибрировал, заставляя его вздрогнуть всем телом. Не звонок — СМС. С незнакомого номера, представляющего собой просто случайный набор цифр. Сообщение было короче выстрела.

Он открыл его, почувствовав, как ладони становятся липкими.

На белом фоне — две строчки безличным, почти типографским шрифтом:

Остановись.

Трумер = Стабильность.

Он успел прочесть их лишь раз. Сообщение исчезло. Не просто удалилось из чата — оно растворилось, как будто его никогда и не было. Не осталось ни следа в логе, ни уведомления. Только абсолютная, цифровая пустота и леденящий до костей ужас, прорвавшийся адреналином в кровь.

Энди замер. Шум офиса — переговоры, смех, гул компьютеров — отдалился, превратился в глухой, подводный гул. Он смотрел на черный экран телефона, в котором теперь отражалось его собственное, посеревшее лицо. Это был не просто намек. Это был приговор, доставленный напрямую.

Остановись. Или...

Что последует? Новая, более жесткая волна фейков, которая уже будет касаться не его психики, а, скажем, мнимых финансовых махинаций? Внезапный визит «психиатрической бригады» по вызову «обеспокоенных коллег»? Или что-то более простое и необратимое — несчастный случай в метро, сердечный приступ у себя дома?

Трумер = Стабильность. Уравнение. Аксиома. Не подлежащая обсуждению догма. Его сомнения, его поиски были объявлены преступлением против самой основы общества. Он был больше не журналистом, расследующим аномалию. Он был вирусом, угрожающим операционной системе.

Он медленно поднял глаза, преодолевая тяжесть в шее. Напротив, на крыше серого офисного здания через улицу, замер, подобно хищной птице, наблюдательный дрон городской службы. Не патрульный, а именно наблюдательный, с увеличенной линзой. Его черный, без-

душный зрачок был направлен не на улицу, не на движение — а прямо, без колебаний, в окно его кабинета.

Энди почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом, а по спине пробегает ледяная волна. Они не просто знали. Они наблюдали. В реальном времени. Реагировали. И их удар был точен и изощрен: не кулаком в темном переулке, а медленным, не отслеживаемым ядом, капающим прямо в цифровую вену общества, отравляя его имидж, его связи, его право на голос.

Он опустил телефон в карман, сделав движение медленным и осознанным, чтобы скрыть дрожь в пальцах. Его лицо застыло, превратившись в непроницаемую маску, за которой бушевали ураган страха и бессильная, всесокрушающая ярость. Они стирали его. Методично. Сначала репутацию. Потом — связи с миром. Сейчас — его человечность, объявляя его больным, неадекватным. Что будет следующим шагом? Стирание самой биографии? Физическое удаление?

Он взял свою записную книжку, ту самую, кожаную. Рука дрожала, но уже не от страха, а от сконцентрированной ярости. Он открыл ее на новой странице и вывел дату. Затем твердым, почти продавливающим бумагу почерком написал:

«Пункт 5: Цифровая Травля. Операция „Шепот“.»

Координационная атака по всем фронтам: фейковые статьи в СМИ (агрегаторы, соцсети), мобилизованные боты и тролли, подставные «эксперты» (Логвин). Цель — создать шумовую завесу правдоподобия.

Конечная цель: не просто дискредитация, а полная изоляция и маркировка как «нестабильного элемента». Лишение социального кредита доверия. Нейтрализация как источника угрозы.

Результат на текущий момент: коллеги сторонятся (страх заражения), шеф отстраняет (корпоративный риск), репутация уничтожена в глазах масс. Я превращен в проблему, а не в человека.

СМС: анонимное, самоуничтожающееся. Прямая, неуловимая угроза. Доказательство наличия доступа к системам связи и моего персонального номера. Послание ясное: «Мы контролируем и цифровой след, и твое будущее».

Дрон наблюдает. Постоянно. Открыто. Это демонстрация силы и всеведения. Они хотят, чтобы я знал, что меня видят. Психологическое давление. Физическое наблюдение как финальный аргумент.

Он захлопнул блокнот, и звук прозвучал как щелчок предохранителя. Взгляд снова упал на экран, где все так же улыбался доброжелательный доктор Логвин, лицемерный и чистый.

Но теперь, вместо парализующего страха, в глубине его груди, под тяжестью ледяного кома, вспыхнул и закрепился уголек ярости. Не бушующее пламя, а тлеющий, концентрированный, смертельно опасный жар. Они хотели, чтобы он сломался? Чтобы замолчал, уполз в угол лизать раны, превратился в сломанный, бесполезный винтик, который можно выбросить без шума?

Он медленно поднял голову и снова посмотрел в окно. На черную, бездушную линзу дрона на противоположной крыше. Солнце отражалось в ней слепым белым пятном. И очень тихо, так, что не услышал бы даже микрофон в его же телефоне, Энди Румер прошептал единственное слово, направляя его сквозь стекло, расстояние и цифровую пелену прямо в невидимым операторам:

— Нет.

Это был не крик отчаяния. Это была тихая клятва. Если они играли в стирание, он начнет игру в сохранение. Его самого. И правды, которая теперь стала его единственным оружием и самым тяжелым грузом. Война только что перешла из паутины намеков в открытую, цифровую и психологическую, фазу. И отступать ему было некуда.

Глава 6

Дешевая ночлежка в седьмом секторе. Запах сырости, пыли и кислоты висел в воздухе несмываемой пеленой. Энди сидел на краю продавленной койки, пружины впивались в бедра, слушая, как за тонкой, потрескавшейся стеной кто-то кашляет — надрывно, безнадежно, будто пытаясь вывернуть наизнанку легкие, отравленные гарью промзоны. Этот кашель был саундтреком к его новому существованию. Существованию загнанного зверя.

Экран разбитого, купленного за гроши на барахолке планшета светился в полумраке, отбрасывая мертвенные блики на отслоившуюся штукатурку. Хештег #РумерСрываетПокровы все еще болтался в трендах, превратившись в мем, в удобную метку для любого, кто осмеливался усомниться в официальной картине мира. Но теперь к нему добавились новые «свидетельства» его «нестабильности». Какой-то нейросетевой блогер сгенерировал «воспоминания одноклассника» о его «детских фантазиях про всеобщий заговор». Фотожабы стали откровенно злыми: его лицо вставляли в архивные фото из психбольниц прошлого века, в кадры с сумасшедшими тиранами из старых фильмов. А сегодня утром всплыл «анонимный источник из «Хроники», утверждавший, что Энди «давно проявлял паранойю и агрессию, рылся в личных данных коллег и мог внезапно закатить истерику на ровном месте». Ложь была наглая, примитивная, но ее тиражировали с таким единодушием, что она начинала казаться единственно возможной правдой.

Телефон лежал рядом на тумбочке из ящика, мертвый кирпич. Он вынул и разломал сим-карту сразу после того СМС, раздавив пластик каблуком в грязном переулке. Этот акт символического самоубийства был и освобождением, и новой клеткой. Связь с миром, пусть и отравленная, оборвана. Репутация растоптана в цифровой грязи. Работа под угрозой — письмо от Марвина висело над ним дамокловым мечом. Коллеги стали чужими, испуганными существами. Они добились своего. Окружили его невидимой, но непроницаемой цифровой стеной. Он был в резервации для неугодных мыслей.

Страх, холодный и тошнотворный, грыз его изнутри, как голодная крыса. Он ловил себя на том, что вглядывается в щель под дверью, ожидая увидеть тени ног. Представлял, как дверь не просто распадается, а взрывается внутрь, и входят не полицейские в привычной форме, а что-то худшее: люди в обычной одежде, но с пустыми, как у того дрона, глазами, с профессиональными, выверенными движениями. То, о чем говорила Анна. Не служители закона, а чистильщики. Машина для стирания помех, которая работает тихо и не оставляет следов в протоколах.

Он взял записную книжку, единственную твердьню в рушащемся мире. Перечитал последние записи, вцепившись в слова, как в спасательный канат. «Они стирают помехи. Как файлы.» Анна Мулс. Ее изможденное, испуганное лицо в тусклом свете «Ржавого Болта». Ее срывающийся на шепот голос о «невидимых кукловодах». Она была не просто ниточкой к правде. Она была живым доказательством цены, которую приходится платить за знание.

И они ее тоже стирали. Медленно, методично. Вытолкнули из системы, лишили карьеры, заставили прятаться в гниющем чреве Промзоны, паять сломанные приборы за миску похлебки. Они превратили талантливого техника в призрак. И, глядя на свои записи, Энди внезапно с ужасом осознал, что его путь повторяет ее путь. Сначала дискредитация, потом изоляция, потом... что? Стирание из реальности?

Внезапно, леденящий страх сменился жгучим, почти физическим стыдом. Стыдом за свою пассивность. За то, что позволил, как лабораторная крыса, загнать себя в этот вонючий угол. Анна, уже много лет загнанная в угол, казалась сейчас сильнее его. Она хотя бы выживала, она сопротивлялась молчанием, бегством. А он? Он позволил рисовать себя сумасшедшим на экранах всего города и просто сбежал, зализывая раны. Он реагировал, как от них и ожидали.

«Остановись.»

Слово из того СМС снова прожгло сознание, но теперь оно звучало иначе. Это был не просто приказ. В этой беспощадной краткости была их слабость. Они боялись. Боялись того, что он мог узнать, даже находясь в изоляции. Боялись Анны и того, что она могла ему сказать. Боялись самой правды, запертой в их серверных фермах, как боятся темноты дети. Их сила была в иллюзии, а иллюзия хрупка.

— Нет, — прошептал Энди в тишину каморки, и это слово прозвучало тверже, чем он чувствовал. — Я не останавлиюсь.

Решение созрело мгновенно, выкристаллизовавшись из страха и стыда. Он должен найти Анну снова. Не для того, чтобы выпросить еще крупицу информации, а для союза. Двух отверженных против системы. Чтобы показать им, что их цифровая экзекуция не сломала, а закалила решимость. Их угрозы не остановили, а наоборот, подстегнули, указали верное направление.

Поиски на этот раз стали не осторожным расследованием, а отчаянным марш-броском по самому дну города. Он метался по Промзоне, обходя все известные и полумифические приюты для бывших технарей, отщепенцев от высоких технологий: «Кладовку» в подвале старой ТЭЦ, «Паяльник» в заброшенном автобусе, «Код смерти» — ржавый контейнер на свалке. Он платил за информацию последними наличными, шептал имя «Мулс» в задымленных, пропитанных запахом дешевого спирта подвалах, ловил на себе взгляды, полные недоверия и страха. Слежка чувствовалась кожей — дроны, даже обычные курьерские, зависали над его головой дольше положенного, уличные камеры наблюдения на поворотах аллей плавно поворачивались, провожая его движение. Его лицо, благодаря травле, теперь знали многие. Взгляды, которые он ловил, были не просто враждебными — в них читалось предупреждение: «Уйди. Не втягивай нас в свою погибель».

Он нашел ее почти случайно, по обрывочному намеку спившегося бывшего сетевого администратора, который пробормотал что-то про «старую фабрику поплавков» перед тем, как отключиться. Полуразрушенная фабрика по переработке электронного лома была похожа на гигантский склеп технологий. Воздух гудел от гудения дробилок и пахло паленым пластиком и металлом. Анна сидела в нише, образованной грудой исковерканных корпусов серверов, на ящике из-под комплектующих. Рядом горела тусклая, закопченная лампа-переноска, отбрасывая резкие тени. Она паяла что-то крошечное, ее пальцы в потрепанных, закопченных перчатках двигались с автоматной, выверенной годами четкостью, но вся ее сгорбленная поза, опущенные плечи кричали о предельной усталости и глухом, безысходном отчаянии. Лицо в резком свете лампы осунулось до тени, глубокие тени под глазами стали черными впадинами.

Энди остановился в нескольких шагах, давая ей chance услышать его. Шум цеха был его союзником.

— Анна, — произнес он тихо, но достаточно громко, чтобы его голос, низкий и хриплый от напряжения, перекрыл отдаленный грохот.

Она вздрогнула всем телом, как от удара током, чуть не уронив паяльник. Голова резко поднялась. Глаза, казавшиеся огромными в ее бледном, исхудавшем лице, метнулись к нему, наполнились сначала дикой, животной паникой, а затем — горьким, обжигающим презрением.

— Ты?! — прошипела она, вскакивая. Паяльник в ее руке, раскаленное жало, стало похоже на импровизированное, но оттого не менее смертоносное оружие. — Я же сказала отстань! Ты что, совсем идиот? Ты привел кого-то сюда?!

— Нет! Никого! — Энди поднял руки, показывая пустые ладони. — Я один. И да, за мной следят, я это чувствую на каждой улице. Но здесь, сейчас, в этом шуме, среди этого металлолома — слежки нет. Пока. Они теряют цель в таких местах.

Он сделал осторожный шаг ближе, не опуская рук.

— Анна, посмотри на меня. Не как на надоедливую журналиста. Посмотри, что они со мной сделали. Всего за пару дней.

Он медленно, не делая резких движений, достал из-под плаща планшет, включил его, листая заранее сохраненные скриншоты: фейковые статьи, мемы, водопад ненависти в комментариях, официальное письмо об отстранении. Потом показал ей на ладони две половинки разломанной сим-карты, похожие на хитиновые крылья мертвого насекомого.

— Они стерли мою цифровую жизнь. Удалили меня из социальных алгоритмов, сделали из меня посмешище и изгоя. Они выжгли мою репутацию каленым железом. Я теперь даже не человек в их системе — я ошибка, баг, подлежащий исправлению.

Анна смотрела на экран, ее губы были так плотно сжаты, что побелели. Паника в ее глазах постепенно сменилась горьким, усталым пониманием. Она узнавала почерк.

— Добро пожаловать в клуб отверженных, Румер, — выдавила она, и в ее хриплом голосе не было торжества, только бесконечная усталость. — Ты доволен? Теперь ты на собственном опыте знаешь, как это происходит? Как тихо, без шума, человека превращают в призрака. Сначала в цифровом пространстве. Потом — и в физическом.

— Я знаю, что они боятся, — сказал Энди твердо, убирая планшет. Его голос набрал силу, заглушая грохот дробилки где-то вдали. — Они не просто изолируют. Они паникуют. Боятся правды. Боятся тебя, потому что ты знаешь суть. Боятся того, что мы можем узнать вместе. Они прислали мне СМС: «Остановись». Потому что знают — если я буду продолжать копать, несмотря ни на что, их идеальный, отполированный карточный домик рухнет. Им не нужна правда, им нужно послушание. А я отказываюсь быть послушным.

Он шагнул еще ближе, сократив дистанцию до минимума. Его глаза в тусклом свете горели не сумасшедшим блеском, как рисовали фейки, а холодной, выкованной из отчаяния решимостью.

— Я не останавлиюсь, Анна. Они могут пытаться стереть меня, как файл. Могут попытаться убить. Но я не останавлиюсь. Потому что то, что они делают — не просто преступление. Это чудовищно. Это извращение самой сути технологии, которую ты помогала создавать. И кто-то должен это остановить. Помогите мне. Дайте мне не оружие в виде пистолета. Дайте мне оружие против их иллюзии. Помогите понять, как найти слабое место, как разоблачить Трумер публично. Как доказать всему миру, что она — всего лишь кукла, а кукловоды прячутся в тени.

Он протянул ей руку. Не для рукопожатия, а как жест доверия, союза, брошенного на ветер в этом царстве ржавчины и отчаяния.

Анна смотрела на его руку, застывшую в воздухе, потом медленно подняла взгляд на его лицо. Ее взгляд, острый, сканирующий, скользил по осунувшимся чертам, глубоким теням под глазами, следам бессонных ночей, упрямому, негибкому огню в глубине зрачков. Она видела не того наивного журналиста из бара. Она видела человека, которого загнали в самый темный угол, и который, вместо того чтобы сдаться, оскалился и приготовился к прыжку. Как она сама когда-то давно, в первые дни после бегства, но ее прыжок тогда превратился в долгое, изматывающее падение.

Молчание повисло между ними тяжелым, физическим грузом, казалось, даже грохот машин на мгновение стих. В ее глазах шла война. Страх, ее старый и верный спутник, боролся с внезапно вспыхнувшей, забытой искрой — не надежды, нет, до надежды было далеко. Скорее, это была ярость. Ярость за украденную жизнь, за извращенное детище, за годы жизни в страхе. И, возможно, жажда справедливости, которую она давно похоронила, но которая оказалась не до конца мертва.

Она отвела взгляд, вновь окинув взором свое жалкое убежище: груды электронного лома, который когда-то был вершиной прогресса, свой потрепанный рюкзак с инструментами, тусклый свет лампы, очерчивающий круг ее нищенского существования. Глубоко, с хрипом вдохнула воздух, пахнувший гарью и тленом. Когда она снова посмотрела на Энди, в ее глазах не

осталось ничего, кроме мрачной, смертельной решимости. Той, что является у приговоренного к смерти, который решает утащить с собой на тот свет хотя бы палача.

— Оружие? — ее голос был едва слышным шепотом, но в нем звенела сталь. — У меня нет оружия, Румер. У меня есть слабость. Едва заметный, микроскопический изъян в их идеальной, зеркальной иллюзии. Трещинка в стекле. — Она выключила паяльник, резким движением сдернула перчатки, обнажив тонкие, иссеченные мелкими шрамами и следами ожогов пальцы. — И они убьют нас за знание об этой трещинке. Ты окончательно и бесповоротно понимаешь это?

Энди не опустил руку. Его взгляд не дрогнул, не отвел. Внутри все сжалось в ледяной ком, но это был ком решимости.

— Окончательно. Бесповоротно. Но я все равно пойду. Все равно буду искать правду, даже если это последнее, что я сделаю. С тобой или без тебя. Выбор за тобой.

Анна замерла на последнюю, бесконечно длинную секунду. Потом ее плечи, постоянно сгорбленные, словно распрямились на миллиметр. Она кивнула. Один раз. Коротко. Жестко, как удар топора.

— Хорошо. Покажу тебе слабость. Расскажу, как найти эту трещину в их зеркале и вставить в нее свой глаз. Но помни, Румер: с этого момента мы не живые. Мы — мертвецы на прогулке. Отсчет пошел. Идем. Здесь слишком открыто, даже в этом шуме. Есть место понадежнее.

Она быстро, почти лихорадочно собрала инструменты в потертый рюкзак, выдернула вилку лампы из проржавевшей розетки. Энди опустил, наконец, руку. Сердце колотилось где-то в горле, выбивая адреналиновый марш. Это был не просто обмен информацией. Это был пакт. Первый, хрупкий шаг к настоящему сопротивлению.

Он нашел не просто тень от прошлого. Он нашел союзника в тихой, необъявленной войне против невидимых кукловодов. И их общее, молчаливое решение не останавливаться прозвучало в грохоте дробилок громче любого выстрела и страшнее любой угрозы. Теперь им осталось только идти вперед, в глубь трещины.

Глава 7

Подвал заброшенного магазина электроники был вынужденным убежищем, пахнущим не историей, а тленом. Воздух стоял спёртый, густой, с кисловатым запахом пыли, старой изоляции и едким, сладковато-горьким химическим шлейфом от разлагающихся аккумуляторов, чей яд медленно сочился в темноту. Анна привела его сюда окольными, параноидальными путями, петляя по тёмным переулкам, служебным тоннелям теплотрасс и даже пролезая через разлом в ржавой ограде, как загнанный, но опытный зверь, знающий каждую щель в территории хищников. Теперь они сидели на ящиках из-под давно распроданных или украденных гаджетов, этикетки на которых выцвели и облупились. Единственным источником света служил тусклый синий экран старого, модифицированного Анной планшета, питавшегося от портативной батареи, обмотанной изолентой. Его холодное, мертвенное сияние выхватывало из мрака отслоившуюся краску на стенах, паутину, густую, как вуаль, в углах, и их напряжённые, заострившиеся лица — два острова тревоги в море забвения.

Анна не снимала плащ, будто он был её второй кожей, панцирем. Она съёжилась, обхватив колени руками, подтянув их к подбородку. Её глаза, отражавшие синеву экрана, как у ночного животного, метались между сложными схемами на дисплее и непроглядными тёмными углами подвала. Каждые несколько секунд её взгляд цеплялся за вход — за старую дверь, подпертую ломом, — будто она в любой момент ждала, что из самой тени материализуется преследователь, не нуждающийся в том, чтобы ломать преграды. Энди сидел напротив, стараясь дышать тише и ровнее, но собственное сердцебиение отдавалось в висках глухими ударами. Страх был здесь третьим незванным гостем, тяжёлым, осязаемым, он висел в воздухе, смешиваясь с запахом тлена.

— Проект «Образ», — начала Анна после долгого молчания, будто вытаскивая из себя слова, к которым больно прикасаться. Её голос прозвучал глухо, словно сквозь вату, но в нём неожиданно пробились нотки старой, непогасшей профессиональной гордости. — Кодовое название «Фата Моргана». Мы были не просто лучшими. Мы были сборищем гениев-отщепенцев, которых собрали под одним засекреченным куполом. Физики-оптики, ломавшие законы преломления, программисты нейроинтерфейсов, читавшие паттерны мозговой активности как открытую книгу, биологи-материаловеды, создававшие синтетическую кожу, которая могла бы имитировать капиллярную сеть... Мы искренне мечтали изменить мир. Сделать расстояния, болезни, даже смерть — преодолимыми.

Она ткнула пальцем в экран, вызвав трёхмерную схему — сложное, гипнотическое переплетение световых лучей, математических расчётов и нейронных сетей. Для Энди это было красивое таинство, для неё — азбука.

— Цель была проста и грандиозна — создание стабильных, автономных, самообучающихся голографических проекций высочайшей, запредельной реалистичности. Не просто картинки. Не продвинутые анимации. Полноценного присутствия. Чтобы нейрохирург из Нового Света мог буквально чувствовать кончиками пальцев ткань мозга пациента в богом забытой деревне на другом континенте. Чтобы историк мог не просто смотреть на реконструкцию, а пройти по улицам давно разрушенного города, ощутить шероховатость камня, почувствовать виртуальный ветер. Чтобы...

Она запнулась, и горечь, внезапно нахлынувшая, исказила её черты, превратив их в маску страдания.

— Чтобы спецслужбы могли внедрять невидимых, неуловимых агентов прямо в кабинеты врагов. Или создавать безупречных, «неубиваемых» свидетелей на суде, чьи показания нельзя было бы оспорить, потому что «свидетель» — это просто свет и алгоритм. Вот где все-

гда крылся чёрт, Румер. В приложениях. Мы открывали дверь в рай, а они первыми проносили в неё ад.

Энди внимал, не отрываясь, ловя каждое слово, каждый оттенок в её голосе. Это была не бредовая конспирология затравленного параноика. Это была холодная, выверенная, технологическая реальность, страшная именно своей осуществимостью.

— И вы добились успеха? — спросил он, уже зная ответ, но нуждаясь в подтверждении.

— Добились, — Анна кивнула, её пальцы нервно перебирали грубую ткань края плаща, словно пересчитывая чётки. — За год до... внезапного «закрытия» проекта. Мы создали работающий, жизнеспособный прототип. Мы называли его «Аватар-Альфа». Он мог не просто стоять. Он мог ходить, бежать, поднимать предметы через систему сфокусированных ультразвуковых и электромагнитных полей — создавая иллюзию тактильности, сопротивления. Мимика, микро-движения глаз, изменение температуры поверхности в зависимости от «эмоционального состояния» алгоритма...

Она замолчала, закрыв глаза, словно перед её внутренним взором вновь оживало это творение, это чудо, ставшее кошмаром.

— Микродвигатели размером с пылинку, нано-голография на рассеивающих частицах-«призраках», адаптивное поле, подстраивающееся под любое освещение... Мы достигли порога, когда человеческий мозг, даже подготовленный, переставал различать голограмму и живого человека в 99,8% случаев. Оставшиеся 0,2% были не погрешностью. Они были... артефактами. Слабостями системы. Её цифровым ДНК, которое невозможно было полностью отредактировать.

— Слабостями? — Энди наклонился вперёд, ящик под ним скрипнул, и оба вздрогнули.

Анна открыла глаза. В них, помимо вечного страха, горел странный, почти фанатичный огонёк — смесь ужаса и одержимости инженера, видящего единственный, крошечный изъян в, казалось бы, совершенной системе. Это была её болезнь и её сила.

— Да. Совершенство — самая дорогая иллюзия, Румер. Особенно цифровое. Даже у «Аватара» была своя ахиллесова пята. Крошечный дисбаланс в системе стабилизации поля. Он проявлялся при воздействии резкого, направленного излучения высокой интенсивности. Особенно в ультрафиолетовом или инфракрасном спектре, невидимом для человеческого глаза, но... отлично регистрируемом камерами с соответствующими фильтрами. Представь луч мощной ультрафиолетовой лампы, направленный точно в эпицентр проекции. Не рассеянный свет, а сфокусированный удар.

Она быстро, лихорадочно пролистала файлы на планшете, открыв папку с грифом «ДЕБАГ. АРТЕФАКТЫ». На экране появилась запись одного из ранних, внутренних тестов — голограмма молодой женщины в лабораторном халате спокойно говорила что-то, её движения были безупречно плавными. Всё выглядело как живая съёмка.

— Смотри сюда, — Анна увеличила фрагмент — область шеи, чуть ниже левого уха. Её палец дрожал. — Вот здесь... в лаборатории мы включали мощный УФ-прожектор, направленный точно на точку сходимости трёх основных проекторов. Невидимо для нас. Но не для системы.

На экране, в момент, когда невидимый луч «ударял» в указанное место, изображение женщины едва заметно дрогнуло. На долю секунды, меньше, чем моргание. Появилась едва уловимая рябь, словно от камня, брошенного в гладь идеального, зеркального озера. Искажение напоминало микроскопический сбой — крошечный участок «кожи» на миг распался на цветные, цифровые пиксели, на искрящуюся сетку, а затем мгновенно, с помощью корректирующих алгоритмов, восстановился. Это было похоже на кратковременный призрачный шум, на вспышку иного, машинного измерения.

— Видишь? — прошептала Анна, её голос дрожал от сдерживаемого напряжения, от давней боли открывателя. — Система авто-коррекции работает на пределе, пытаясь заткнуть

эту брешь. Но при определённом угле, определённой интенсивности и длине волны... силовое поле, стабилизирующее световые частицы, даёт микроскопический, неизбежный сбой. Наносекунды. Человеческий глаз, за редчайшим исключением, никогда не улавливает. Но высокоскоростная камера с хорошим сенсором и правильным узкополосным фильтром... может поймать этот момент. Запечатлеть призрака в момент его мимолётной смерти.

Энди впился взглядом в экран. Он перемотал запись назад, снова и снова наблюдая за этим крошечным, повторяющимся сбоем. Это было не просто «что-то странное». Это было осязаемое, повторяющееся, физическое явление. Дефект. Слабость в, казалось бы, безупречной цифровой броне. Первый настоящий след.

— Это... это то, что происходит с Трумер? — спросил он, едва сдерживая прорывающееся наружу волнение, которое боролось с леденящим страхом. — Если поймать её таким лучом...

— Я не знаю наверняка, что они использовали именно платформу «Образ», — ответила Анна осторожно, снова бросая взгляд в темноту, к двери. — Слишком много времени прошло. Они могли её усовершенствовать, найти новые методы стабилизации. Но уровень реализма, о котором ты говоришь... её выносливость, способность находиться «на публике» часами... полное, абсолютное отсутствие прошлого, как у человека... Это слишком похоже на конечную цель проекта. И если это «Аватар» или его прямое наследник... то да. У него должна быть эта или аналогичная слабость. Энергетический шов в цифровой коже. Маленький, неизбежный разрыв в безупречной ткани лжи. Отпечаток её ненастоящей природы.

Она резко выключила планшет. Синий свет погас, погрузив подвал в почти полную, давящую темноту. Глазам потребовалось время, чтобы снова различить очертания. Только слабый отблеск от какого-то старого хромированного корпуса в углу слабо мерцал в черноте, как одинокий, тусклый звездный свет.

— Они украли его, Румер, — её голос прозвучал в темноте, совсем рядом, полный неподдельной, выстраданной горечи и ужаса. — Украли или перехватили контроль ещё до того, как мы успели полностью устранить этот сбой. Проект «Образ» внезапно свернули «по соображениям государственной безопасности». Нас разогнали подписками о неразглашении, которые пахли угрозой. Данные — стёрли. Кого-то из ключевых... перевели на другие объекты. А кого-то... просто убрали. Мне чудом удалось сбежать с копиями некоторых файлов, с чертежами... и с этим знанием. С самым опасным знанием.

Она сглотнула, и звук был сухим, громким, как щелчок, в гробовой тишине.

— Знанием о трещине в зеркале. О том, что даже самое совершенное отражение лжёт. А теперь они используют моё детище, труд моего ума и рук... чтобы подменить реальность. Чтобы дёргать за невидимые ниточки целой страны через эту... эту совершенную куклу! И я... я годами пряталась, боялась даже думать об этом!

Энди сидел в темноте, переваривая услышанное. Его мир, и без того покосившийся, теперь обрёл чёткие, пугающие инженерные контуры. Технология лжи перестала быть абстрактным «заговором». Она стала конкретным, пусть и фантастически сложным, инструментом. Оружием, созданным для блага и извращённым во имя тотального контроля. И Анна, эта сломленная, затравленная тень, дала ему не просто ключ. Она дала ему метод. Маленький, хрупкий, требующий невероятной точности и удачи, но метод.

— Нам нужно поймать этот сбой, — сказал он твёрдо, его голос прозвучал громче и резче, чем он хотел, в абсолютной тишине подвала, но в нём уже не было паники. Была сосредоточенность снайпера. — На Трумер. Заснять его. Не один раз, а с разных ракурсов, с разным освещением. Это будет неопровержимое, техническое доказательство. Не слова, а цифровой артефакт.

Анна тихо засмеялась в темноте — коротким, надтреснутым, абсолютно безрадостным звуком.

— Проще сказать, чем сделать, Румер. Гораздо проще. Во-первых, нужен мощный, портативный, но очень точный источник направленного света — УФ или ИК. Не фонарик. Профессиональное оборудование, которое не купишь в магазине. Во-вторых, нужна высокоскоростная камера с узкополосным фильтром, синхронизированная с источником. В-третьих, нужно поймать её в относительно контролируемой обстановке, под нужным углом, на правильном расстоянии. И всё это — пока они, те кто за ней следит и её охраняет, не поймали нас. У нас будет, возможно, один шанс. Одна попытка. И если мы её упустим, если они заподозрят, что мы ищем именно это...

Она не договорила. Её слова повисли в темноте, страшнее любой конкретики. Внезапно, сверху, через бетонные перекрытия, донёлся отчётливый, чуждый звук. Тяжёлый, металлический, глухой удар, будто что-то массивное и механическое стало на плиту. Кдышь. Потом второй. Кдышь. Тишина. Замерло, будто сканируя, прислушиваясь к вибрациям, к тепловым следам сквозь толщу бетона и хлама.

Анна замерла, превратившись в абсолютную, ледяную статую ужаса. Энди почувствовал, как всё внутри его сжалось, а по спине пробежала волна мурашек, холодных, как смерть. Они сидели в полной, беспросветной темноте, не смея дышать. Шум вентиляции в соседнем помещении, которого он раньше не замечал, вдруг загудел оглушительно громко, маскируя и одновременно подчёркивая зловещую тишину сверху.

Шаги — если это были шаги — не повторились. Но напряжение в подвале достигло такого предела, что казалось, воздух вот-вот звонко лопнет, как струна. Технология лжи была объяснена. Её слабость — выявлена и названа. Но тень преследования, тень того, что Анна в своём страхе называла просто «Они» или «Дестро» — машина для стирания, — эта тень нависла над их хрупким убежищем, напоминая, что за попытку вскрыть правду придётся платить не абстрактную цену, а самую что ни на есть конкретную, кровавую и окончательную. Они перешли от теории к подготовке к бою. И враг, казалось, уже почуял их манёвр.

Глава 8

Рабочее место Анны в углу подвала напоминало гнездо безумного гения, вырванное из стерильной лаборатории и брошенное в могильник электроники для медленного разложения. Свет фонарика, примотанного изолентой к ржавой балке, выхватывал из мрака хаос, имевший для неё строгий внутренний порядок: распотрошённые корпуса спектрометров и осциллографов, снятых с военных складов десятилетия назад; мотки разноцветных проводов, свисавшие со стропил как кишечник какого-то техногенного зверя; самодельную паяльную станцию из переплавленного припоя; микроскоп с треснувшей линзой, приспособленный для пайки микросхем; и странные, похожие на хирургические, инструменты — тонкие пинцеты, скальпели, микроманипуляторы. Воздух гудел от работы мини-дрели и пах оловом, кислотой для травления плат и вековой пылью, смешанной с запахом сырости. Это был священный круг, алтарь, на котором она пыталась собрать оружие против собственного кошмара.

Анна, сбросившая плащ, в засаленной футболке и защитных очках, сдвинутых на лоб, двигалась с лихорадочной, но абсолютно точной сосредоточенностью. Её пальцы, тонкие и проворные, с нервными, прожилками на тыльной стороне, не дрожали теперь. Они паяли мельчайшие контакты, скручивали тончайшие проводки, калибровали сенсоры на крошечной, размером с ноготь, плате. Весь её вид излучал напряжённую, сконцентрированную энергию, заглушавшую вечный страх — здесь, в своей стихии, среди железа и кремния, она была не затравленной жертвой, а бойцом, инженером, творцом, вспомнившим вкус к битве.

Энди сидел на ящике в стороне, чувствуя себя бесполезным, громоздким грузом. Он наблюдал, как Анна вставляет в чёрный, напечатанный на 3D-принтере корпус, размером с пачку сигарет, крошечный объектив, похожий на фасеточный глаз насекомого, и подключает его тончайшим кабелем к экрану старого, перепрошитого планшета. На экране светилась абстрактная, пульсирующая сетка спектральных линий — зелёных, красных и синих.

— Детектор помех, — отрывисто пояснила Анна, не отрывая взгляда от паяльника, жало которого касалось чего-то невидимого глазу. Голос её был хриплым от усталости, но обрёл металлическую, уверенную интонацию. — Принцип до безобразия прост: за основу взята обычная камера для охранного наблюдения с узкополосным ИК-фильтром. Но фокус не на видимом изображении, а на флуктуациях в субпиксельной сетке. Смотри на сетку?

Она ткнула пальцем, запачканным припоем, в планшет.

— Это эталон спокойного поля. Любое искажение в силовом каркасе проекции — тот самый сбой в стабилизации — вызовет всплеск энергии не в видимом спектре, а вот здесь... и здесь.

Она указала на две пересекающиеся линии, которые на экране имели чуть другой оттенок.

— На экране итоговой записи это будет выглядеть как кратковременное мерцание, рябь или даже микроскопическое «подергивание» именно в области энергетической сшивки. Прозрачный прыщ на идеальной коже. Просто. Грубо. Клон инженерной мысли. Но должно сработать, если мы попадём в луч под правильным углом и достаточно близко. Дистанция — не больше пятидесяти метров. Дальше — рассеивание. Шум.

Она замкнула последний контакт, резко щёлкнула миниатюрным выключателем. На планшете спектральная сетка замерла, излучая ровное, тусклое, готовое к работе свечение. Анна откинулась назад, вздохнула так глубоко, что её рёбра выступили под тонкой тканью, и вытерла пот со лба тыльной стороной руки, оставив тёмную сажистую полосу.

— Готово. Ядро системы. Теперь твоя очередь, Румер. Ты должен достать нам билеты в самое сердце их цирка. Туда, где она будет. Не просто в толпу, а на самое видное, освещённое место, куда бьют основные прожекторы. Нам нужен угол.

Новость о внеочередном «Митинге Единства и Несгибаемой Воли» сенатора Дины Трумер в громадном крытом стадионе «Арена Стабильности» гремела из каждого уличного медиа-экрана, врывается в эфир всех новостных агрегаторов. Трумер должна была обратиться к нации после «возмутительных и подлых попыток подрыва доверия к институтам власти» — прозрачайший намёк на раздутую историю с «нестабильным» Энди Румером. Получить билеты для обычных граждан было почти невозможно — их распределяли через лояльные профсоюзы, корпорации, партийные ячейки по строгим спискам. Доступ — строго по персонализированному QR-коду, привязанному к государственному ID и сканируемому на нескольких контрольно-пропускных пунктах. Цифровая крепость, вход в которую охранялся алгоритмами и паранойей.

Энди использовал последние крохи доверия — или, вернее, профессиональной жалости — старого штатного фотографа «Хроники», Бориса, чья карьера тоже клонила к закату под натиском дронов и нейросетей. Борис, хмурый, вечно недовольный и пропахший табаком и спиртом, но не лишённый старой гильдейской солидарности, выслушал его в дымном подсобном помещении, долго молчал, а потом пробормотал что-то непечатное о «проклятой цифре, которая всех нас сожрёт» и полез в свой дырявый, кожаный рюкзак. Оттуда он извлёк два старых, ещё бумажных, слегка помятых пресс-аккредитации на случай «тотального апокалипсиса», когда все сети падут. Они были просрочены на два года, но надежда была на человеческий фактор, на давнюю привычку охранников к бумажкам и на всеобщую толчею. «На, чёрт с тобой, — буркнул Борис. — Но если спалишься, я тебя не знаю. И скажи этой твоей... „источнику“... чтобы берегла глаза. Фотографу без глаз — хана».

День митинга выдался серым, ветреным, с низкими, рваными облаками, которые казались выхлопом самой Промзоны. Воздух у циклопической «Арены Стабильности» вибрировал от гула десятков тысяч глоток, рева громкоговорителей, транслирующих бодрые, бессердечные марши, и шипения полицейских дронов, курсирующих над головами как стаи стальных стервятников. Море людей в одинаковых синих плащах «Единства» (раздаваемых бесплатно на входе и моментально делающих толпу однородной массой) текло к воротам, сканируя QR-коды на своих устройствах. Лица были возбуждёнными, но пустыми — стадный, индуцированный восторг, подогретый пропагандой и глубинным страхом выпасть из общего потока, стать белой вороной.

Энди и Анна затерялись в этом потоке, стараясь принять его ритм. Она — в кепке с длинным козырьком и больших, старомодных солнцезащитных очках, спрятавших половину лица, с потертым рюкзаком за плечами, где под слоем тряпья и обрывков газет лежал детектор, похожий на самодельную взрывчатку. Он — в своём самом непрезентабельном, помятом пиджаке, с потрёпанным бумажным пресс-пасом на шнурке на шее. Его сердце колотилось так громко и отчётливо, что, казалось, должно быть слышно через ткань, заглушая гул толпы. Каждый взгляд охранника, каждый поворот купола камеры наблюдения над воротами, каждый луч сканера, выхватывающий лица из очереди, казался направленным именно на них, выискивающим их среди тысяч.

— Документы! Аккредитации! — рявкнул охранник на их ряду, огромный детина с выбритой головой, пустым, как у дрона, взглядом и сканером в руках, похожим на пистолет.

Энди протянул просроченный пресс-пасс, стараясь, чтобы пальцы не дрожали. Охранник нахмурил густые брови, тыча грязным ногтем в дату.

— Просрочен. Недействителен. Следующий!

— Аппаратура на входе глючит, друг, — Энди сделал усталую, профессионально-надменную улыбку журналиста, выдавшего всякие бюрократические косяки. — У всех в «Хронике» с этими новыми кодами косяк. Я звонил Марвину Коулу, главному редактору, он лично подтвердит. Ждём перевыпуска. А мероприятие-то не ждёт! Прямой эфир!

Он кивнул на громкоговорители, из которых уже лился предварительный, записанный голос Трумер о «несгибаемом духе нации перед лицом внутренних угроз».

Охранник колебался, его маленькие глазки бегали от бумажки к лицу Энди, потом к нарастающей, нетерпеливой очереди сзади. Напряжение витало в воздухе — никто не хотел затора, проблем, внимания начальства. Его взгляд скользнул по Анне, съёжившейся и отведшей лицо.

— А она? У неё что?

— Фотолаборантка, техничка, — быстро, почти раздражённо сказал Энди, делая вид, что эта волокита ему осточертела. — Тащит запасную оптику, объективы. Блоки тяжёлые. Борис фотограф, ногу подвернул.

Охранник фыркнул, махнул рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

— Ладно, проходите. Но без съёмки со штатива в первых рядах! Пресс-зона справа, отмечайтесь!

Их втокнуло внутрь бурлящим потоком, как щепки в водоворот. Гул тысяч голосов, сливающийся в один животный рёв, гигантские голографические экраны, на которых уже показывали безупречное, улыбающееся лицо Трумер в ожидании выхода, запах пота, дешёвого парфюма и статического электричества, висевшего в воздухе от работы мощных звуковых систем. Анна съёжилась ещё сильнее, как будто физический шум, давление толпы и яркий свет били её по оголённым нервам. Она потянула Энди за рукав не вниз, к пресс-зоне, а вверх, в более пустые, дешёвые ряды под самым куполом стадиона, подальше от сцены, но с высоким, почти отвесным углом обзора.

— Сюда, — прошептала она, задыхаясь от напряжения и спёртого воздуха. Её глаза за тёмными стеклами очков метались по стадиону, выискивая не просто камеры, а их тип, выискивая узлы освещения, массивные конструкции с прожекторами под куполом. — Дальше, но выше. Угол... смотри, вон тот центральный прожектор, — она чуть заметно кивнула на мощную установку на противоположной стороне арены. — Он будет бить в неё почти в лоб. Нам нужно, чтобы она попала под его луч, а мы снимали со смещением в тридцать-сорок градусов. Здесь... может сработать. Если они не меняли схему освещения со времён презентаций.

Они устроились на холодных бетонных ступенях, втиснувшись между группой шумных студентов с флагами и пожилой парой, молча смотрящей в пол. Анна сняла рюкзак, поставила его между колен, прикрыв своим телом от посторонних глаз. Дрожащими, но точными движениями она достала детектор — чёрную, невзрачную коробочку с «глазком» — и планшет, прикрыв его сложенной курткой, чтобы свечение экрана не привлекало внимания. Экран светился той же зловещей спектральной сеткой. Она подключила детектор к небольшой скрытой камере — обычной на вид «ручке» с широким клипом, которую Энди купил за большие деньги на чёрном рынке Промзоны. Изображение со стадиона, слегка зернистое и с зеленоватым оттенком из-за ИК-фильтра, появилось на планшете поверх спектральной сетки, создавая сюрреалистичную картину: живые люди, окрашенные в оттенки зелёного и серого, пересекались абстрактными линиями энергетических полей, которых не существовало в реальности.

— Направь объектив туда, на центр сцены, где будет Трумер, — прошептала Анна, вглядываясь в экран так близко, что её дыхание запотевало на нём. Её пальцы дрожали, регулируя чувствительность сенсора, выставя пороги срабатывания. — Держи руку как можно устойчивее. Обопрись о колено. Локти внутрь. Малейшая тряска, смаз... и мы можем пропустить сбой, или он сольётся с шумом. Спокойно. Дыши ровно.

Энди взял детектор. Пластик был холодным и скользким от её пота. Он принял позу, как будто просто устал и обхватил колени руками, спрятав устройство в сложенных ладонях. Крошечный объектив, как чёрная точка, смотрел вниз, на пустую пока сцену, увешанную гигантскими экранами с улыбающимся, безупречным лицом Трумер. Ожидание повисло в воздухе, густое, как смог, давящее на грудную клетку. Каждый проходящий по проходу человек, каж-

дый случайный взгляд в их сторону, каждый смех или выкрик заставлял Энди внутренне сжиматься, а мышцы спины — неметь от напряжения. Он чувствовал, как Анна замерла рядом, превратилась в статую, только её глаза бегали по экрану, считывая малейшие колебания в сетке.

Грянули фанфары — оглушительные, триумфальные. Свет на сцене погас, оставив только несколько приглушённых лучей, а затем со страшным грохотом включились главные прожекторы, бывшие в центр сцены ослепительными белыми столпами. Толпа взревела, вставая как один человек, поднимая флаги и транспаранты. На сцену, плавно, словно скользя по воздуху, без суеты и видимых усилий, вышла она. Дина Трумер. Безупречная в строгом, идеально сидящем костюме цвета национального флага, с улыбкой, которая, казалось, озаряла стадион ярче всех прожекторов вместе взятых. Её голос, чистый, мощный, усиленный до грохота, заполнил всё пространство, не оставляя места для иной мысли, произнося первые заученные, но звучащие искренне слова о «силе единства перед лицом жалких смутьянов и лжепророков».

Энди замер, перестав дышать. Он прицелился детектором, как снайпер, поймав в перекрестье воображаемого прицела её фигуру. Взгляд — на планшете в руках Анны. На сетке спектральных линий. На изображении Трумер, чуть искажённом, лишённом человеческих красок, превращённом в зелёный призрак в сетке энергии. Он искал слабость. Трещину. Разрыв. Цифровой шов.

— Спокойно... води её... — шептала Анна, её дыхание горячим, прерывистым пятном касалось его уха. Она увеличила масштаб на экране планшета, сфокусировавшись на ключевой области — шее и левой стороне подбородка Трумер, именно там, где по её расчётам должен был находиться один из основных узлов силовой «сшивки» проекции. — Прожектор... жди прожектора с той стороны...

Трумер говорила, жестикулировала плавными, отрепетированными движениями, излучая харизму и невероятную уверенность. Прожекторы слепили, следя за её каждым шагом, меняя интенсивность. Энди следил за тем, который они наметили — самый мощный, установленный высоко под куполом почти напротив них. Его луч был сфокусированным, почти осязаемым лучом чистого света.

— Сейчас! — прошипела Анна, увидев на экране планшета, как луч, как живой, скользнул по сцене и на миг осветил Трумер под нужным, острым углом, осветив именно ту зону.

Энди напряг все мышцы, вжав локти в бока, фиксируя детектор с силой, от которой пальцы побелели. Взгляд прикован к экрану. На ИК-изображении, в том самом месте, где свет бил сильнее всего, где луч встречался с энергетическим контуром «Аватара»... что-то дрогнуло. Не физическое движение, а искажение самой ткани изображения. Микроскопическая, быстрая рябь. Как капля воды, упавшая на раскалённую сковороду и мгновенно испарившаяся, оставив после себя лишь краткий след пара. На спектральной сетке, наложенной поверх, в этом месте вспыхнул и погас яркий, неровный, болезненный пик.

— Было! — выдохнула Анна, её голос сорвался на высокой, почти истерической ноте. — Записала! Мать твою, записала! Перемотка! Проверим!

Она ткнула пальцем в планшет, её ноготь стучал по стеклу. Запись прыгнула на несколько секунд назад. Энди, не отрывая детектора от цели, с трудом перевёл взгляд через её плечо. На экране — Трумер, её зелёное призрачное изображение, луч прожектора, скользящий по её шее... и снова: крошечное, но теперь отчётливо видимое при повторном просмотре мерцание, искажение текстуры «кожи», всполох цифрового шума на доли секунды. Как мимолётный цифровой шрам, проступивший и тут же исчезнувший. На спектральной сетке — тот же самый пик, как крик на графике.

— Получилось... — прошептал Энди, ощущая дикий, пьянящий прилив ликования, который тут же смешался с леденящим, проникающим до костей ужасом. Они это сделали!

Поймали призрака за руку! Доказательство было у них в руках! Не домыслы, не слова испуганной техника, а цифровая запись, технический факт!

Но ликование, этот всплеск дофамина, длилось не больше двух секунд. Анна вдруг резко, с силой дёрнула его за рукав, её лицо, видимое в профиль, исказилось чистой, животной паникой. Она уже не смотрела на планшет. Её взгляд, широко открытый за стёклами очков, был прикован вниз, через ряды голов, к их сектору, к нижним проходам. По центральному проходу снизу, рассекая толпу как тихие, неумолимые ледоколы, двигались не просто люди в униформе службы безопасности стадиона. Это были двое в тёмно-серой, облегающей форме без опознавательных знаков, с компактными гарнитурами в ушах. Их движения были синхронными, слишком профессиональными для обычных охранников. Их взгляды, холодные и методичные, не бегали по толпе, а сканировали сектора, ряд за рядом, с системной точностью. Один из них что-то сказал в коммуникатор, и его рука с чёрной перчаткой поднялась, указывая пальцем... вверх. В их направление. Не прямо на них, но в их сектор.

Глава 9

— Они знают! — Анна захлопнула чехол планшета с глухим шелчком, сунула детектор в рюкзак одним движением. Её лицо было белым как мел. — Не смотри на них! Выход! Быстро, но не бежим! Спокойно!

Охотники только что сделали свой первый, точный выстрел в цель. И в тот же миг сами стали дичью, почуяв другого, более страшного хищника. Охота началась по-настоящему. Им нужно было раствориться в этом ревущем, безумном море людей, унося драгоценную, смертельно опасную запись, пока цифровая паутина, центром которой была улыбающаяся на сцене голограмма, не сомкнулась вокруг них окончательно, отрезав все пути к отступлению. Адреналин ударил в кровь Энди, горький, металлический и спасительный, обострив все чувства. Звуки, запахи, движение толпы — всё стало ярким, резким, медленным. Они вскочили почти одновременно и, не оглядываясь, не привлекая лишнего внимания, бросились вверх по бетонным ступеням, к тёмным, неосвещённым аркам выходов под рокот оваций, гремевших в честь их главной цели — безупречной, совершенной голограммы, на лице которой они только что зафиксировали первую, нестираемую трещину. Каждый их шаг вверх отдалял их от сцены и приближал к лабиринту служебных помещений, к вентиляционным шахтам, к тёмным переулкам за стадионом — к следующему этапу войны, где уликой было уже не слово, а пиксель, и где ставкой была их жизнь.

Анна сидела, сгорбившись над планшетом, её поза напоминала панцирь, в который пыталось спрятаться испуганное существо. Её лицо в синем, мертвенном отсвете экрана казалось высеченным из мёртвого камня — застывшим, с резкими тенями в глазницах и под скулами. На импровизированном столе между ними, рядом с разобранным, словно вскрытым трупом, детектором и остывшим паяльником, лежала та самая записывающая «ручка» — крошечный, невзрачный цилиндр из чёрного пластика, хранивший их надежду и, как теперь начинало казаться, смертный приговор в цифровой форме.

Энди не мог усидеть на месте. Энергия, не нашедшая выхода во время побега, была в нём током. Он метался по крошечному, захламлённому пространству, как раненый зверь в клетке, его плечи задевали висящие провода, ноги шаркали по бетонной пыли. Пальцы непроизвольно сжимались в твёрдые, костяные кулаки и разжимались, оставляя на ладонях красные полумесяцы от ногтей. Адреналин от бегства со стадиона, от чёткого, не оставляющего сомнений вида тех двоих в сером, целенаправленно движущихся сквозь толпу, как акулы на запах крови, всё ещё пылал в его крови, не давая сесть, не давая думать последовательно. Но сильнее, поверх этого страха, бушевал другой, яростный огонь — ликующий, торжествующий, самоуверенный. Они сделали это! Перехитрили систему! Вытащили на свет её гнилой, цифровой секрет!

— Ну? — он не выдержал, остановившись прямо перед Анной, заслонив собой свет фонаря и отбросив на неё огромную, беспокойную тень. Его голос звучал неестественно громко, почти вызывающе, резанув по гробовой тишине подвала, где только фонил где-то блок питания. — Давай же! Не томи! Покажи ещё раз, крупнее! Мы должны быть уверены на все сто!

Анна не ответила, не пошевелилась, словно не слышала. Она была погружена в цифровую пучину на экране. Её пальцы, тонкие и нервные, но теперь двигавшиеся с автоматной точностью, скользили и тыкались в сенсорный экран планшета с лихорадочной, маниакальной скоростью. Она увеличивала фрагменты до предела, накладывала спектральные фильтры, запускала самописные алгоритмы анализа помех, сравнивая запись с эталонными образцами из своих архивов. Каждое движение было резким, отрывистым, будто она торопилась не изучить находку, а отыскать в ней какую-то роковую ошибку, какой-то изъян в их собственном доказательстве.

Наконец, её руки замерли. Она откинулась на спинку ящика, из-под которого торчали ключья серого утеплителя, похожего на мертвые внутренности. Её лицо было невыразительной маской усталости, но в глазах, широко открытых и отражавших синий свет экрана, читалось нечто гораздо большее, чем просто сосредоточенность. Читался чистый, первобытный ужас. Ужас не перед будущим, а перед тем, что уже случилось и что она только что поняла. Она молча, медленным движением, будто планшет весил тонну, протянула его Энди.

На экране, в режиме предельно замедленного воспроизведения, застыла и ожила голова Трумер. ИК-фильтр придавал изображению призрачный, сюрреалистичный вид, превращая живую (или неживую) плоть в топографическую карту из зелёных и чёрных линий. Прожектор бил в неё снизу и слева, создавая резкие, почти графические тени. И вот, в момент, когда луч, словно лезвие, скользил по линии скулы и дальше, к яремной впадине...

Там. Это было не просто дрожание, не артефакт цифрового сжатия, не шум на матрице. Это было отчётливое, пусть и микроскопическое, разделение слоёв. Как будто тончайший слой «кожи», «имитации», на доли секунды отслоился, отстал от невидимого энергетического каркаса под ней. Образовался мимолётный зазор, мгновенно заполнившийся хаотичным цифровым шумом, вспышкой пиксельного безумия — искрящимся облачком, напоминавшим статические помехи на забытом аналоговом телевизоре. На спектральной сетке, наложенной поверх, в этом самом месте вспыхнул и погас ослепительный, рваный, уродливый пик — однозначная аномалия энергии, математический крик системы о сбое, не оставляющий сомнений в искусственной, собранной природе объекта. Сбой длился не более трёх кадров высокой скорости. Но этого было более чем достаточно. Для глаза, для прибора, для разума.

— Видишь? — Анна указала дрожащим, грязным пальцем прямо на эпицентр аномалии на экране. Её голос был беззвучным, сиплым шёпотом, который, казалось, рождался не в горле, а где-то глубоко внутри, в разрывающейся от напряжения грудной клетке. — Шов. Тот самый энергетический шов. Место сшивки основных световых полей. Он не выдержал пиковой нагрузки. Корректирующий алгоритм сработал почти мгновенно, он гениален... но мы поймали слабину. Поймали момент, когда система дёрнулась, чтобы залатать дыру. Микроскопическую, но дыру.

Она замолчала, глотнув воздух с сухим, болезненным звуком, как будто в подвале не хватало кислорода, как будто он весь выгорел в пламени её паяльника и их страха.

— Это... это он. «Аватар-Альфа». Или его прямое, усовершенствованное потомство. Никаких сомнений. Параметры сбоя, частотный отклик... — она покачала головой, не в силах продолжать технические объяснения. — Моя... моя технология. Они не просто украли чертежи. Они запустили её в мир. Как куклу.

Энди впился взглядом в экран, в этот проклятый и прекрасный фрагмент. Он перематывал его снова и снова, заставляя время течь вспять и снова наткаться на этот миг разоблачения. Каждый раз этот крошечный сбой, этот слом в безупречном цифровом фасаде, вызывал в нём новый прилив дикого, почти истерического ликования, которое тут же смешивалось с глубинным, физическим омерзением. Это было не просто доказательство странностей в поведении. Это было физическое, техническое, неопровержимое свидетельство лжи. Осязаемая трещина в монолитном зеркале Стабильности! Он чувствовал, как что-то ломается внутри него — последние остатки сомнений, последние надежды на ошибку. И на её месте вырастает чёрное, тяжёлое знание и жалость... жалость к тысячам людей, которые аплодировали этой совершенной иллюзии.

— Боже... Анна... — он выдохнул, наконец отрывая взгляд от экрана. Лицо его светилось внутренним торжеством, глаза горели. — Анна, ты... ты гений! Это же... это же не просто улика. Это бомба замедленного действия! Мы можем... мы можем снести их карточный домик одним этим видео! Отправить его в сеть, в независимые СМИ за рубежом, в подпольные хосты! Показать всему миру! Пусть каждый увидит этот шов, этот цифровой шрам! Это же...

Он не закончил, увлечённый картиной грядущего краха лжи. Он уже видел, как вирус правды расходится по сетям, как трескается фасад, как кукловоды в панике...

Анна резко, как от пружины, встала. Её движение было настолько порывистым и неожиданным, что она задела коленом ящик, и тот с грохотом опрокинулся, рассыпав по полу мелкие винтики и обрывки кабелей. Она не обратила на это внимания. Её лицо, обращённое к нему, было смертельно бледным в тусклом свете фонаря, губы бескровные, плотно сжатые. Ни тени радости, ни капли разделяемого триумфа. Только ледяной, пронизывающий до костного мозга ужас. И ярость. Ярость от его глухоты.

— Замолчи! — её голос сорвался на крик, хриплый, отчаянный, разорвавший тишину подвала как бритвой по холсту. Она схватила планшет, тыча пальцем в экран с застывшим, увеличенным кадром сбой так сильно, что стекло затрещало. — Ты ничего не понял, Румер! Ни-че-го! Они знают! Они уже знают!

Энди опешил, отшатнувшись от этого внезапного взрыва. Его эйфория лопнула, как мыльный пузырь.

— Что? Кто знает? Знает что? Что у нас есть запись? Но они же не могли...

— Они! Кукловоды! Система безопасности «Образ»! Сама архитектура проекта! — Анна говорила быстро, захлёбываясь словами, её глаза бегали по тёмным, заплесневелым углам подвала, как будто искали не укрытия, а уже подбирающихся из этих теней преследователей. — Ты думаешь, они просто так, по наводке какого-то рядового охранника, прислали именно этих двух? На такой арене, в такой толчее? Найти именно нас? Целиком? В толпе в пятьдесят тысяч человек?

Она засмеялась — коротко, истерично, звуком, от которого по спине побежали мурашки.

— Ты наивный идиот! Детектор... он не просто пассивно считывает помехи. Для точной калибровки под условия окружающего освещения... он в первые миллисекунды работы излучает короткий, узконаправленный запросный импульс. Очень слабый. В том же инфракрасном диапазоне. Почти неслышный. Но...

Она сделала паузу, её грудь тяжело, с хрипом вздымалась, как у человека, вынырнувшего из-под воды.

— Но если у них, как и должно быть в системе «Аватар», стоят датчики обратной связи на каждом проекторе высокой точности... а они обязаны быть! Для автокоррекции! Или если их служба безопасности в принципе мониторит весь электромагнитный эфир вокруг Трумер на предмет любых аномальных, нештатных излучений... особенно направленных на неё...

Она сглотнула ком в горле, и это было громко.

— То этот мой крошечный импульс калибровки... он был для них как сирена, как ярчайшая вспышка в темноте. Как маяк, который кричал: «Вот мы здесь! Мы не просто смотрим. Мы смотрим на куклу не так, как все! Мы смотрим, чтобы увидеть трещину!» Они не просто засекли несанкционированную съёмку. Они засекли метод. Поймали сам факт целенаправленного поиска уязвимости.

Она опустила планшет, её руки дрожали так, что устройство вот-вот могло выскользнуть.

— Они знают не просто, что кто-то снимал. Они знают как. Знают, что у съёмщиков есть специализированное, кустарное, но знающее оборудование. Знают, что мы... что мы знаем их главный, абсолютный секрет. Не догадываемся. Не подозреваем. Знаем. Имеем техническое подтверждение.

Она посмотрела прямо на Энди, и в её взгляде, поверх ужаса, была теперь леденящая душу, железная уверенность. Уверенность инженера, просчитавшего последствия собственного изобретения.

— Они знают, что мы знаем, Румер. И для них это не компромат. Это — сигнал к немедленному, тотальному уничтожению источника утечки. Смертельный приговор. Вынесенный и

приведённый в исполнение в течение часов, если не минут. Не для Трумер. Для нас. Мы не свидетели. Мы — ошибка в коде. Вирус. И нас сотрут.

Ликование в груди Энди сменилось ледяной, бездонной пустотой, а затем её заполнила тяжёлая, тошнотворная волна понимания. Он посмотрел на «ручку» — такое маленькое, хрупкое, дурацкое доказательство. И вдруг оно показалось ему не ключом к свободе, а активированным детонатором, уже тикающим под их ногами, чьи провода тянулись прямо к их шеям. Он вспомнил холодные, нечеловечески сфокусированные глаза тех двоих в сером, их целенаправленное, без суеты движение против толпы. Не случайный поиск нарушителей спокойствия. Целенаправленная, скоординированная охота по горячему следу. По следу импульса.

— Что... что мы будем делать? — спросил он, и его собственный голос показался ему чужим, слабым, доносящимся из-под воды. Все планы — сливать видео, рассылать, устраивать сенсацию — рассыпались в прах. Они были не триумфаторами, а крысами, попавшими в капкан с сыром, который сам по себе был отравлен.

Анна не ответила сразу. Она отбросила планшет на стол, где тот грохнулся рядом с «ручкой». Затем она подошла к груде технического хлама в самом тёмном углу, отодвинула кусок фанеры, прикрывавший что-то. Там, в нише из старых кирпичей, лежал её старый, потрёпанный, немаркий рюкзак. Она начала быстро, почти лихорадочно, совать в него детектор, планшет, зарядные устройства, пару ключевых инструментов, заброшенную туда же, почти не глядя, банку консервов и бутылку с водой. Её движения были лишены всякой эмоциональной окраски — чистая, отточенная механика выживания.

— Бежать, — сказала она просто, плоским, опустошённым голосом, когда застёгивала молнию рюкзака. — Прямо сейчас. Всё бросить, что не можем унести. Здесь, в этом месте, нас найдут первыми. Оно скомпрометировано. Вся Промзона, наверное, уже на осмотре.

Она взглянула на Энди через плечо, и в её глазах, огромных чёрных дырах в бледном, осунувшемся лице, не было уже даже страха. Была решимость обречённого.

— У нас есть доказательство. Самое ценное и самое опасное, что может быть в этом городе. Но оно теперь — не пропуск к правде. Это наша петля на шее. И они уже почуяли вес нашего тела и затягивают удавку. Каждая секунда здесь — подарок им.

Энди кивнул, заставляя своё тело двигаться, хватать свою потрёпанную куртку. Разум цеплялся за последнюю соломинку: а если стереть запись? Выбросить детектор? Но он уже видел, как Анна сжигает бумажные копии схем в жестяной банке. Стирание следа уже ничего не даст. Их вычислили по самому факту атаки. Они были отмечены.

И в этот момент, как будто сама тьма за стенами решила подтвердить её самые худшие опасения, сверху, сквозь толщу бетонных перекрытий и грунта, донёсся новый звук. Глухой, низкочастотный, вибрирующий гул, от которого мелкая пыль посыпалась с потолка им на головы. Как работа мощного дизельного двигателя или генератора на холостом ходу. Гул нарастал, приближаясь к точке прямо над подвалом, и земля под ногами слегка содрогнулась. Потом звук замер, перейдя на ровную, зловещую тональность. И затихло. Прислушиваясь. Сканируя.

Анна замерла на полпути к вентиляционной отдушине, превратившись в статую из льда и ужаса. Её лицо исказилось немым, беззвучным криком, губы растянулись, обнажив сжатые зубы. Она не произнесла ни слова, не было времени. Она метнулась к Энди, схватила его за запястье, пальцы были ледяными и влажными от холодного пота, и с силой, которой он не ожидал от её хрупкого тела, рванула к противоположному, дальнему углу подвала, где в темноте, за завесой паутины, угадывался полузаваленный проход в старый, отслуживший свой срок вентиляционный тоннель. Её дыхание стало частым и поверхностным, как у загнанного зверя.

Доказательство было. Оно лежало в её рюкзаке, как тлеющий уголь, готовый спалить их самих. Но цена за его обладание, за миг торжества на стадионе, оказалась невыносимо, абсурдно высокой. Они думали, что начали охоту. Они ошибались. Охота началась за ними в тот самый момент, когда крошечный глазок детектора щёлкнул и послал в темноту свой роковой, калиб-

ровочный импульс. И теперь хищники, настоящие, безликие и беспощадные, вышли на свежий, горячий след. Оставалось только бежать. В глубь тёмных тоннелей, в глубь страха, унося с собой единственную правду, которая могла их убить раньше, чем они успеют её рассказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.